

Ольга Граф

Всадница
ДРАКОНА

Ольга Граф

Всадница Дракона.

Попаданка для Командора

<https://litres.ru/74540772>

Аннотация

Я не собиралась попадать в чужой мир. Я собиралась проверить объект и уехать до обеда. Вместо этого — патриархат в полный рост, дракон-подросток, который ходит за мной как потерявшийся щенок, и Командор Кейн, который смотрит на меня так, будто я лично разрушила его жизнь.

Может, и разрушила. Разберёмся.

Он хочет, чтобы я ушла. Сдалась. Я хочу домой. Путь домой — через дракона. Дракон — в его Ордене.

Значит, никуда не уйду.

Он привык, что женщины не спорят. Я привыкла, что мужчины вроде него проигрывают переговоры. Кто-то из нас изменит привычкам первым.

Подсказка: обычно это не я.

Содержание

Глава 1. Командировка	4
Глава 2. Сразу неприятности	22
Глава 3. Его зовут Сав	42
Глава 4. День первый	57
Глава 5. Спарринг-партнер	69
Глава 6. Принятие	83
Глава 7. Всадница Командора	106
Глава 8. Первый подъем	130
Глава 9. Честь Ордена	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Глава 1. Командировка

Михаил Евгеньевич смотрел на меня с выражением человека, которому только что сообщили, что его яхта утонула.

Это был его стандартный вид на наших совещаниях. Я давно перестала воспринимать его как сигнал тревоги.

— Вера, — сказал он тоном, каким обычно говорят «ты меня убиваешь», — ты понимаешь, что это значит для нас?

Я понимала. Я всегда понимала. Именно поэтому он платил мне зарплату, которую сам же периодически забывал, подписывая очередной дорогостоящий проект по совету очередного золотого гольфиста с Рублёвки.

— Это значит, что мы выиграли тендер, — сказала я. — На реконструкцию особняка Демидовых. Восемьсот миллионов контракт, Михаил Евгеньевич. Хорошие новости.

— Хорошие новости. — Он откинулся в кресле и сцепил пальцы на животе. — А то, что там три аварийных перекрытия, исторический статус объекта и сосед-депутат, который уже написал жалобу в мэрию — это тоже хорошие новости?

— Это рабочие вопросы.

— А кто будет их решать?

Сейчас скажет «ты», и мы оба сделаем вид, что это была его идея.

— Ты, — сказал он. — Ты у нас лучше всех умеешь с такими вещами.

Я закрыла ноутбук.

— Конечно.

* * *

Особняк Демидовых стоял в Замоскворечье — облупленный, величественный и явно обиженный на двадцатый век в целом. Четыре этажа, лепнина с отваливающимися купидонами, забор из листового железа с замком, который проржавел насквозь лет двадцать назад.

Я припарковалась, достала из багажника каску и папку с документацией, и пошла к воротам.

Прораб Степаныч встретил меня с видом человека, кото-

рый ожидал кого угодно, только не женщину в деловом костюме и строительной каске цвета слоновой кости.

— Это вы от заказчика? — спросил он с лёгким недоверием.

— Я операционный директор. — Я протянула руку. — Вера. Показывайте объект.

Степаныч пожал руку с видом человека, который решил пока понаблюдать.

Они всегда наблюдают. Первые двадцать минут. Потом либо начинают работать нормально, либо я меняю прораба. Третьего варианта не бывает.

Мы прошли через двор, захламлённый строительным мусором и остатками чьей-то жизни — сломанный велосипед, стопка советских журналов под плёнкой, кошачья миска без кошки.

— Перекрытия на втором этаже под вопросом, — говорил Степаныч, — лестница центральная держится, но её трогать нельзя до экспертизы, подвал вообще не исследован, там замуровано что-то, ещё при советах, судя по кладке...

— Замуровано что?

— Комната какая-то. Или несколько. Плана нет, в архиве пусто. Мы вскрыли один проём — там пыль, темнота и запах лет на сто.

— Покажите.

Степаныч остановился.

— Там не убрано. И темно.

— У меня есть фонарик. — Я достала телефон. — Пойдёмте.

* * *

Подвал оказался именно таким, каким должен быть подвал особняка девятнадцатого века: низкий, сводчатый, пахнущий сыростью и временем. Под ногами хрустело что-то неопределённое. Луч фонарика прыгал по кирпичным стенам.

Пролом в стене был свежим — кирпич лежал аккуратной горкой, строители явно работали аккуратно. За ним открывался коридор, а за коридором — комната.

Небольшая. Метров двадцать. Совершенно пустая — если не считать постамента в центре.

Каменный, приземистый, явно старый. На нём что-то лежало.

Я подошла ближе.

Кристалл. Тёмный, почти чёрный, размером с кулак. С трещиной внутри — длинной, неровной, удивительно похожей на крыло в полёте.

Красивый.

Нерабочая информация. Папку закрыть.

Я сфотографировала постамент, записала координаты в приложении, сделала пометку про историческую экспертизу.

И потянулась взять кристалл — убрать с постамента, пока кто-нибудь из рабочих не прихватил его на память.

Пальцы коснулись камня.

И что-то пошло не так.

Не сразу. Сначала был просто холод — резкий, такой, что перехватило дыхание. Потом кристалл вспыхнул изнутри — не светом, чем-то другим, чему у меня не было слова. Трещина-крыло разошлась, и из неё потянуло теплом, которое было горячее и древнее любого огня, который я когда-либо чувствовала.

— Вера Александровна? — донёсся из коридора голос Степаныча.

Я хотела ответить.

Не успела.

Мир сложился — как складывается лист бумаги — и меня не стало.

* * *

Сознание возвращалось порциями.

Сначала звук: гул голосов, много, очень много, и где-то далеко — что-то похожее на рёв, но глубже и древнее.

Потом запахи: конский навоз, кожа, дым, трава — и что-то ещё, незнакомое, горячее, похожее на грозу перед ударом молнии.

Потом свет — яркий, летний, безжалостный.

Я открыла глаза.

Площадь.

Большая — метров двести в диаметре, мощёная крупным серым камнем. Со всех сторон окружённая стенами из того же камня, тёмного, почти чёрного, с башнями по углам. Посреди площади стояли люди — сотни людей, все мужчины, все в одинаковых серых куртках с какими-то нашивками.

Все они смотрели на меня.

Хорошо.

Хорошо, спокойно. Анализируем ситуацию.

Я стою посреди какой-то площади в деловом костюме, с телефоном без сети, в строительной каске, которую почему-то не выронила, и меня окружают несколько сотен мужчин в средневековых нарядах.

Версия первая: я упала и ударилась головой о постамент. Сейчас лежу в подвале, Степаных уже вызывает скорую, и всё это — красочный продукт сотрясения мозга.

Версия вторая: Михаил Евгеньевич тайно перевёл всю компанию в кино-бизнес и забыл меня предупредить.

Версия третья...

Версия третья пока слишком страшная. Её в конец списка.

Я стянула каску с головы, огляделась ещё раз — уже внимательнее — и поняла, что это не съёмочная площадка.

Потому что съёмочные площадки не пахнут так. Этот запах нельзя воспроизвести — смешанный, живой, насыщенный, как бывает только там, где всё настоящее. Навоз настоящий. Кожа настоящая. Страх в воздухе — тоже.

И ещё — небо.

Над площадью кружили драконы.

Не маленькие. Не декоративные. Огромные — с размахом крыльев, который затмевал солнце на секунду при каждом взмахе. Их было около десяти, они двигались медленно, по спирали, и каждый был отдельным произведением ужаса: один — почти чёрный, как уголь, с синими отблесками на чешуе; другой — рыжий, как осенний лес; третий — серый, как туман над рекой.

Значит, всё-таки версия третья.

Я выдохнула.

Ладно. Хорошо. Это другой мир. Я попала в другой мир через кристалл в подвале московского особняка девятнадцатого века. Бывает. Не со всеми, конечно, но в конце концов у меня и карьера сложилась нестандартно, так что чего уж.

Мужчины вокруг всё ещё молчали. Кто-то из них начал медленно отходить — не убегать, просто создавать пространство между собой и мной. Кто-то шептался. Кто-то смотрел так, будто не был уверен, что я настоящая.

— Добрый день, — сказала я по-русски, потому что больше нечего было делать.

Никто не ответил.

Логично.

Зато с неба начал спускаться дракон.

* * *

Он был меньше тех, что кружили в вышине — «меньше» здесь означало «всего лишь с хорошую лошадь ростом, не с дом». Молодой, наверное — по крайней мере, в его движениях было что-то незавершённое, слегка порывистое, как у

подростка, который ещё не совсем привык к своим конечностям.

Чешуя у него была тёмно-зелёная — в тени почти чёрная, на солнце отливающая бронзой. Глаза — янтарные, с вертикальным зрачком, и в них было что-то, что я совершенно не ожидала увидеть у существа таких размеров.

Любопытство.

Он снизился, сложил крылья и пошёл по площади.

К зрителям? Нет.

Ко мне.

Толпа расступалась перед ним автоматически — быстро, беззвучно, с хорошо отработанной точностью людей, которые привыкли к соседству с чем-то очень большим и зубастым. Дракон шёл, не обращая на них внимания. Его взгляд был направлен только на меня.

Спокойно. Это просто очень большое животное, которое идёт в мою сторону.

Очень. Большое. Животное.

С зубами как у экскаватора.

Всё хорошо.

Я не двинулась с места.

Не из храбрости — просто ноги не спросили разрешения и решили остаться там, где были. Я стояла, держала каску в руках и смотрела, как дракон пересекает площадь — мимо двухсот мужчин, которые явно ждали именно этого момента, явно готовились к нему, явно надеялись, — и останавливается в трёх шагах от меня.

Мы смотрели друг на друга.

У него из ноздрей шёл лёгкий дымок. Это было одновременно пугающе и немного похоже на кота, который фыркает, когда недоволен.

Нерабочая информация. Папку закрыть.

Дракон наклонил голову — медленно, без угрозы. Изучающе.

Потом сделал шаг вперёд и опустил морду так, что его нос оказался в десяти сантиметрах от моего лица.

Горячий воздух. Запах дыма и чего-то острого, минераль-

ного. Янтарные глаза, в которых отражалась я — маленькая, растрёпанная, с кашей в голове и с каской.

Привет.

Ты очень большой.

Пожалуйста, не ешь меня. У меня ещё незакрытый квартальный отчёт.

Дракон фыркнул — негромко, будто что-то решил — и лёг рядом со мной прямо на мощёные камни. Свернулся не полностью, но вытянул шею и положил голову так, что я оказалась между его лапой и мордой — в кольце тепла и дыма.

Площадь молчала.

Молчала так, что было слышно ветер.

А потом кто-то выдохнул — один человек, громко — и этот выдох прокатился по толпе как волна, и я поняла, что только что произошло что-то очень важное. Что-то, чего здесь не случалось давно. Или никогда.

Отлично. Ещё один нестандартный поворот в нестандартной карьере.

Внесём в резюме.

* * *

Голос пришёл сзади.

Низкий. Ровный. Без вопросительной интонации — хотя то, что он произнёс, технически было вопросом.

— Кто ты такая.

Я обернулась.

Первое, что я отметила — он был высоким. Выше меня сантиметров на двадцать, что само по себе уже нестандарт, потому что я метр семьдесят четыре и привыкла смотреть большинству мужчин в глаза без усилий. Второе — тёмные волосы, короткие, и лицо человека, которого никогда в жизни не заставляли врасплох. До этой секунды, может быть.

Он был одет иначе, чем остальные — не серый, а чёрный, без нашивок, зато с каким-то знаком на левом плече, который явно означал что-то, о чём я понятия не имела. За плечом стояли ещё несколько человек, и все они смотрели на меня с разными степенями изумления.

Он — нет. Он смотрел с одним чувством. Холодным, точным и очень узнаваемым.

Я знаю это выражение.

Я видела его в переговорных комнатах, в советах директоров, в кабинетах людей, которые привыкли быть самыми важными людьми в комнате.

«Кто ты такая и почему ты здесь».

Классика жанра.

— Вера Александровна, — сказала я. — А вы?

Что-то в его взгляде изменилось — едва заметно, на один градус. Как будто он ожидал другого ответа. Любого другого.

— Командор. — Пауза — короткая, взвешенная. — Ты знаешь, что только что произошло?

Я посмотрела на дракона, который лежал рядом со мной с видом существа, принявшего принципиальное решение и не намеренного его пересматривать.

Потом посмотрела на Командора Кейна.

Потом на толпу, которая смотрела на меня так, будто я была или чудом, или катастрофой — и ещё не определилась, чем именно.

— Не полностью, — призналась я. — Но догадываюсь.

Кейн смотрел на меня. Долго. С выражением человека, у которого в голове происходит что-то неприятное и он не намерен делиться этим публично.

— Женщина не может быть Всадницей, — сказал он наконец. Ровно. Как факт.

— Понятно, — сказала я.

Значит, так здесь работает.

Ожидается. Раздражающе предсказуемо, но ожидается.

— И тем не менее, — добавила я, кивнув на дракона, — ваш коллега, судя по всему, придерживается другого мнения.

Молчание растянулось.

За спиной Кейна кто-то тихо кашлянул.

Дракон фыркнул — на этот раз громче — и придвинулся ко мне ещё немного, так что его бок оказался вплотную к моей ноге. Тёплый. Живой. Совершенно не собирающийся никуда уходить.

Кейн посмотрел на него. Потом на меня.

В его взгляде было что-то, что я не смогла сразу назвать — слишком много слоёв, слишком хорошо спрятано. Но верхний слой был абсолютно читаем.

Этот человек уже принял решение, что я проблема.

И то, что он ещё не знал, как именно её решить — его раздражало.

Добро пожаловать в мой мир, Командор.

У меня тоже было много таких коллег.

Ни один не выиграл.

Я выпрямила спину, переложила каску из одной руки в другую и посмотрела на него ровно.

— Значит, мне нужно поговорить с тем, кто здесь принимает решения по юридическим вопросам, — сказала я. — Дракон выбрал. Я так понимаю, это что-то значит. Расскажите мне правила.

Кейн не ответил сразу.

Это тоже было мне знакомо: пауза человека, который при-

вык, что последнее слово остаётся за ним, и сейчас пересчитывает варианты.

— Это не твой мир, — сказал он наконец.

— Нет, — согласилась я. — Но я в нём. И пока это так — работаем с тем, что есть.

Где-то в толпе снова кто-то выдохнул.

Дракон рядом со мной издал звук, который я решила интерпретировать как одобрение.

А Командор Кейн посмотрел на меня так, как смотрят на вещи, которые не вписываются ни в одну из известных категорий — с холодным, внимательным, совершенно неприятным интересом.

Таким взглядом смотрят не на проблему.

Таким взглядом смотрят на что-то, что собираются решить лично.

Отлично.

Именно этого мне сейчас не хватало.

Сильные попаданки — цикл самостоятельных историй о женищинах, которые попадают в магические миры и совершенно отказываются жить по чужим правилам.

Если вам нравятся:

◆ взрослые героини с характером;

◆ драконы и истинные пары;

◆ властные мужчины, которым приходится менять свои убеждения;

◆ противостояние, юмор и искры между героями — добро пожаловать в цикл!

Вас ждёт новая завершённая история:

«Управляющая Академией невест. Дракон не по плану»

Где современная кризис-менеджер попадает в Академию, где девушек готовят исключительно к выгодному браку, и случайно становится истинной последнего дракона древнего рода.

Подписывайтесь и добавляйте книги в библиотеку, чтобы ничего не пропустить! ♥#

Глава 2. Сразу неприятности

Меня не арестовали.

Это было первое хорошее наблюдение за последний час. Второе — что дракон никуда не делся. Он шёл рядом, примерно в полуметре от моего левого плеча, и это создавало вокруг меня зону личного пространства радиусом метров пять: все расступались, никто не приближался, конвоиров не требовалось.

Дракон как охранная система. Неожиданное применение, но работает.

Кейн шёл впереди. Не оглядывался — просто шёл, и все остальные двигались вокруг него как вода вокруг камня. За мной держались двое в тёмном — молчаливые, с одинаково непроницаемыми лицами. Не конвой. Скорее — сопровождение на случай, если я вдруг решу сделать что-нибудь неожиданное.

Разумная предосторожность, если честно.

Мы прошли через ворота в стене, потом по внутреннему двору — мощёному, чистому, с коновязью вдоль одной сте-

ны и тренировочными чучелами вдоль другой — и вошли в главный корпус. Камень, высокие потолки, факелы в держателях и узкие окна, которые давали свет, но не давали обзора. Функционально. Без украшений.

Военная архитектура. Люди, которые строили это, думали об обороне, а не об интерьере. Уважаю.

Кейн остановился у двери в конце коридора, открыл её и вошёл, не проверяя, иду ли я следом.

*Привычка человека, за которым всегда идут.
Знакомо.*

Я вошла.

* * *

Кабинет был именно таким, каким должен быть кабинет человека, которому некогда думать об обстановке. Рабочий стол с картами и бумагами, два стула, стеллаж с книгами в кожаных переплётках, узкое окно. Никаких портретов, никаких трофеев, никакого намеренного величия.

Кейн встал у окна, скрестил руки и посмотрел на меня.

Я огляделась, выбрала стул и села.

Пауза.

Он ждёт, что я буду стоять. Стоящий человек — в более слабой позиции, чем сидящий за столом. Переговорная классика.

Не сегодня.

— Ты знаешь, что такое Призыв, — сказал Кейн. Не спросил.

— Теперь приблизительно. — Я положила каску на колени. — Драконы выбирают людей раз в семь лет. Избранный становится Всадником. Всадники составляют ваш Орден. Орден защищает все государства по договору и живёт по своим законам. Я ничего не перепутала?

Что-то в его взгляде чуть изменилось.

— Откуда ты это знаешь.

— Спросила, пока мы шли. — Я кивнула в сторону двери. — Молодой человек в сером, третий справа от вас на площади. У него было лицо человека, который умирает от желания объяснить, что только что произошло.

Рейн. Так он представился. Всадник второго года, явно восторженный, явно не умеющий это скрывать. Рассказал мне всё за четыре минуты пешего хода. Кейн, судя по всему, этого не заметил — он смотрел вперёд.

Ещё один знакомый тип: уверен, что контролирует ситуацию, потому что привык это делать.

Кейн несколько секунд молчал.

— Значит, ты понимаешь, что произошло.

— Дракон выбрал меня. По вашему закону я теперь Всадница. — Я встретила его взгляд. — Я правильно формулирую?

— Женщин на Призыв не допускают.

— Знаю. Но я была там, — сказала я терпеливо, — и дракон меня выбрал. Это скорее вопрос к вашей охране и к логике дракона, чем ко мне.

Кейн смотрел на меня. Долго. С выражением человека, который привык, что аргументы работают в его пользу — и сейчас тихо злится, потому что этот не работает.

— Ты не отсюда, — сказал он наконец.

— Нет.

— Путник. — Это не было вопросом.

— Если это ваш термин для людей, которые попадают сюда из других мест — вероятно, да. — Я чуть наклонила голову. — Это случалось раньше?

— Редко. — Пауза. — Очень редко.

— Но случалось. Значит, прецедент есть, правила должны существовать. Расскажите мне о них.

Он не ответил сразу. Отошёл от окна, подошёл к столу — не сел, встал рядом, одной рукой опершись о столешницу. Сверху вниз. Стандартная доминантная позиция, снова.

Ты очень предсказуем, Командор.

Красивый, добавил какой-то совершенно ненужный голос в голове.

Вот это уже нерабочая информация. Папку не просто закрыть — залить цементом.

— Путники остаются в Аэрине, пока не найдут обратный путь, — произнёс он. — Орден им не враг. Но Орден им и

не обязан.

— Понятно. А что с выбором дракона?

— Выбор дракона — не ошибка. — Слова давались ему как будто с усилием, которого он не хотел показывать. — Это закон. Его нельзя оспорить.

— Значит, я Всадница.

— Нет.

Я моргнула.

— Подождите. Вы только что сказали, что выбор нельзя оспорить.

— Выбор нельзя. Но Орден — не только дракон. Всадник проходит обучение, испытания, принимает присягу. — Он посмотрел на меня с чем-то, что в других обстоятельствах я назвала бы холодным удовлетворением. — Ни одна из этих вещей тебе не доступна.

— Почему?

— Потому что ты женщина.

Тишина.

Вот оно.

Я ждала этого. Знала, что оно придёт — просто не знала, в какой именно форме. «Потому что ты женщина» — это самая чистая форма. Без обиняков, без извинений, без неловкости. Просто факт, как погода.

Самое страшное в таких системах не злые люди. Самое страшное — хорошие люди, которые говорят это совершенно спокойно, потому что так устроен мир.

Я выдохнула через нос.

— Значит, по вашему закону выбор дракона нельзя оспорить. И по вашему закону женщина не может пройти обучение.

— Верно.

— Это противоречие, — сказала я. — Два закона, которые не могут работать одновременно. Что происходит, когда ваши законы противоречат друг другу?

Пауза была чуть длиннее, чем предыдущие.

— Старейшины принимают решение.

— Отлично. — Я встала. — Тогда мне нужен Совет Старейшин. Когда можно записаться?

Кейн посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

За окном пролетел дракон — большой, рыжий, с мерным взмахом крыльев. Тень скользнула по полу между нами.

— Ты понимаешь, где находишься? — спросил он наконец — тихо, почти мягко, и именно эта тихость была хуже любого повышения голоса.

— В кабинете Командора Ордена Крыла в мире, в который я попала через кристалл в московском подвале, — ответила я. — Да. Понимаю.

— И ты всё равно хочешь спорить о законах.

— Я не спорю. Я задаю уточняющие вопросы. — Я взяла каску. — Разница принципиальная.

Что-то прошло по его лицу — быстро, почти неуловимо.

Не злость. Злость я умею читать. Это было что-то другое.

Интерес. Холодный, нежелательный, тщательно упакованный.

Любопытно.

Нерабочая информация. Цемент. Много цемента.

* * *

Совет оказался шестью мужчинами разного возраста в одинаковых чёрных куртках с серебряными знаками. Они сидели за длинным столом в зале, который явно использовался для важных вещей — высокий потолок, резные скамьи вдоль стен, камин без огня. Торжественно и немного пыльно.

Кейн стоял чуть в стороне, у стены. Не за столом. Я бы сказала — демонстративно не за столом, если бы не знала, что у таких людей демонстрация никогда не бывает случайной.

Он хочет наблюдать. Хорошо. Пусть наблюдает.

Старший из шести — седой, с лицом человека, который видел много и устал удивляться — посмотрел на меня с профессиональным спокойствием.

— Значит, ты Путница, — сказал он.

— Вера Соколова. Из Москвы. — Я решила не уточнять, что Москва находится в другом мире — судя по их лицам, они это и так понимали. — Попала сюда через артефакт в подвале старинного дома. Ваш дракон выбрал меня на Призыве. Я здесь, чтобы прояснить своё положение.

Старейшины переглянулись.

— Прецеденты существуют, — сказал второй, помоложе, с рыжеватой бородой. — Путники приходили в Аэрин и раньше. Обычно они живут среди людей, пока не найдут обратный путь. Орден им не мешает и не помогает.

— Я не знаю, как вернуться домой, — сказала я. — Но дракон пришёл ко мне через артефакт из вашего мира. Значит между нами есть связь, которой не было ни с кем из двухсот человек на этой площади. Я не верю в совпадения — ни в своём мире, ни в вашем. Мне нужно время, чтобы разобраться в этой связи. А дракон — в вашем Ордене.

Тишина была плотной и думающей.

— Дракон выбрал, — произнёс третий старейшина — тихий, с глазами, которые смотрели будто чуть глубже, чем нужно. — Это нельзя отменить.

— Это ещё ничего не означает, — сказал Кейн от стены.

Я не обернулась.

— Это означает, что я нахожусь здесь на законных основаниях, — возразила я спокойно. — Обучение и испытания — отдельный вопрос. Но своё право присутствовать в Ордене дракон мне уже дал. Я прошу это подтвердить официально.

Старший старейшина помолчал. Потом посмотрел куда-то за моё плечо — туда, где стоял Кейн.

Я так и не обернулась.

Не дождѣишься.

— Мы рассмотрим это, — сказал наконец старший. — Решение будет завтра утром.

— Благодарю. — Я встала. — И последнее: мне нужно жильё на эту ночь. Раз дракон принял решение, было бы странно выставлять меня за ворота.

Несколько секунд молчания.

— Комнату найдут, — сказал рыжебородый — и в его голосе было что-то, похожее на осторожное уважение.

— Спасибо.

Я вышла.

В коридоре выдохнула — медленно, ровно, так чтобы никто не видел. У меня была одна такая техника — ещё с первого совета директоров, куда я пришла в двадцать шесть лет единственной женщиной и младшей по возрасту. Выходишь, делаешь три вдоха, и только потом позволяешь рукам слегка дрожать.

Хорошо. Неплохо для первого раунда.

Теперь нужно жильё, информация и план.

В указанном порядке.

* * *

Кейн нашёл меня во дворе.

Я стояла у стены — дракон лежал рядом, положив голову мне на ноги с видом существа, которое приняло это решение раз и навсегда, — и смотрела на Цитадель. Пыталась запомнить планировку. Привычка: прежде чем работать в новом месте, понять, как оно устроено.

— Ты манипулировала ими, — сказал Кейн.

*Не «здравствуй». Не «как ты». Сразу по делу.
Уважаю, честно.*

— Я излагала факты, — ответила я, не поворачиваясь.

— В очень удобном для тебя порядке.

— Это называется аргументация. — Я всё-таки обернулась. — Или у вас это тоже только мужчинам разрешено?

Что-то прошло по его лицу — быстро — и я не успела классифицировать. Мог быть раздражение. Мог быть что-то ещё.

— Завтра Совет скажет «да», — произнёс он ровно. — Потому что закон им не оставляет выбора. Но это ничего не изменит.

— Изменит ровно то, что изменит: я буду здесь официально.

— Официально. — Он повторил слово как что-то, у которого здесь нет нужного веса. — Ты думаешь, бумага защитит

тебя в Ордене?

— Бумага — нет. Логика — да. — Я встретила его взгляд.
— Если мне нельзя быть здесь по вашим законам, объясните это своим законам. Если можно — тогда всё остальное вопрос времени и усилий.

— Ты не понимаешь, как устроен Орден.

— Пока не понимаю. Именно поэтому я задаю вопросы, а не делаю выводы. — Я чуть наклонила голову. — В отличие от некоторых.

Пауза.

Он стоял в трёх шагах от меня, в свете, который уже начинал краснеть — день здесь явно клонился к вечеру раньше, чем я привыкла, — и смотрел на меня с выражением, которое я всё ещё не могла разобрать до конца. Это раздражало. Я умела читать людей. Это был мой профессиональный инструмент. А он не читался — точнее, читался, но с задержкой, как текст на незнакомом языке, смысл которого приходит чуть позже слов.

Высокий. Тёмный. Смотрит так, будто привык, что мир делает то, что он решил. И сейчас тихо злится, что я это-

го правила не знала.

Нерабочая информация.

Вся папка в цементе. Залита. Утоплена. Строительный объект закрыт.

— Ты останешься, — сказал он наконец. Не вопрос. Констатация.

— Да.

— И будешь бороться за обучение.

— Да.

— И за ранг.

— Когда разберусь в системе — да.

Кейн смотрел на меня ещё секунду. Потом перевёл взгляд на дракона — тот поднял голову и посмотрел в ответ с абсолютным спокойствием существа, которое приняло своё решение давно и не собирается его обсуждать.

— Ты не продержишься здесь недели, — сказал Кейн.

Я ждала этого. Именно этой фразы — или какой-то близ-

кой к ней. Ею заканчивают все разговоры такого типа. Это финальный аргумент человека, у которого аргументы кончились: ты не справишься, ты слишком маленькая, ты не понимаешь, с чем имеешь дело.

Я слышала это в двадцать три, когда пришла на первую большую стройку. В двадцать шесть, когда вошла в первый совет директоров. В двадцать девять, когда приняла операцию у человека, который думал, что я временная.

Я улыбнулась.

Не широко. Не дружески. Той улыбкой, которую однажды мой бывший назвал «пугающей» — а я тогда решила, что это комплимент.

— Значит, вы не потеряете много времени на ожидание,
— сказала я.

Кейн смотрел на эту улыбку несколько секунд.

Потом развернулся и ушёл.

Ни слова больше.

Хорошо.

Это значит, что у него нет ответа. А у людей без ответа — два варианта: сдаются или начинают играть по другим правилам.

Посмотрим, какой выберет Командор.

Дракон рядом со мной дёрнул хвостом, задев мою ногу, и посмотрел в сторону, куда ушёл Кейн. В янтарных глазах было что-то, что я уже начинала распознавать.

Что-то похожее на «я же говорил».

Ты ещё и в курсе был?

Следующий раз предупреждай заранее.

* * *

Комнату мне дали в западном крыле — маленькую, с каменными стенами и кроватью, которая была жёсткой и узкой, как армейская койка. Окно выходило во двор. За окном тренировались — даже вечером, в полутьме, трое молодых Всадников гоняли друг друга деревянными мечами с мрачной сосредоточенностью людей, которым это нравится.

Дракон лечь в комнату не смог — не поместился — и устроился снаружи под окном. Я слышала его дыхание: ровное, глубокое, чуть горячее обычного воздуха.

Я сидела на кровати и составляла список.

Мысленно. Привычка с первого года в профессии — когда не знаешь, с чего начать, начни с инвентаризации.

Что есть:

— *Дракон. Молодой, явно привязался, явно не уйдёт. Ресурс и проблема одновременно.*

— *Официальный статус. Завтра, вероятно. Это даёт мне право быть здесь — и больше ничего.*

— *Одни рабочий костюм. Каска. Телефон без сети и зарядки. Блокнот с ручкой, которые были в кармане пиджака. Один батончик с орехами и изюмом — неприкосновенный запас.*

— *Ни слова на местном языке, кроме того, что уже слышала. Пока понимаю всех — но это, видимо, дракон, что-то там делает со связью. Надо уточнить.*

Что нужно:

— *Информация. Как устроен Орден, что такое ранги, чем занимаются Всадники. Рейн — хороший источник. Использовать.*

— *Доступ к архивам. Если в этом мире есть что-то про Путников и про то, как они возвращались — это там. Доступ только у старших рангов. Значит, нужен ранг.*

— *Нормальная одежда. Это звучит тривиально, но де-*

ловой костюм и строительная каска как постоянный образ — не то, в чём удобно работать долгосрочно.

Главный вопрос: сколько времени у меня есть?

Не знаю. Никто не знает. Может, это выяснится само — или не выяснится никогда, если я не останусь достаточно долго, чтобы разобраться.

Значит, остаюсь. Разбираюсь. Нахожу ответы.

Бывало хуже.

Нет, не бывало. Но звучит обнадеживающе.

Снаружи стихли деревянные мечи. Тренировка закончилась.

Я легла — не разуваясь, просто на спину, уставившись в каменный потолок — и попыталась думать о деле.

Вместо этого почему-то думала о том, как Кейн смотрел на мою улыбку. Секунды три, не меньше. Для человека, который явно умеет держать лицо, это было почти неприлично много.

Нерабочая информация.

Залита цементом. Утоплена. Сверху построен жилой комплекс.

Завтра — Совет, официальный статус и первый настоящий бой за то, чтобы здесь остаться.

Михаил Евгеньевич, наверное, уже звонит на мой телефон.

Извини. Форс-мажор. В договоре прописан.

Глава 3. Его зовут Сав

Совет сказал «да» в восемь утра.

Я не удивилась.

Сказали коротко, официально, с лицами людей, которые приняли неудобное решение и теперь намерены держать лицо. Старший зачитал формулировку — что-то про прецедент выбора, про неоспоримость закона, про временный статус до прохождения первого испытания. Рыжебородый добавил, что решение будет занесено в хроники Ордена. Третий, тот что смотрел глубже остальных, просто кивнул мне.

Я поблагодарила. Вышла. Выдохнула в коридоре.

Раунд второй — мой.

Смотрим раунд третий.

Раунд третий не заставил себя ждать.

* * *

Кейн объявил условия через час — в том же зале, уже без Совета, только с несколькими старшими всадниками и мной. Стоял у стола, говорил ровно, смотрел мимо меня — не на-

рочито, просто так, будто я была частью обстановки, которую принял к сведению и больше не требовалось отдельно фиксировать.

Классика. Не спорит открыто — просто перестаёт замечать. Это должно давить. Обычно давит.

— Временный статус означает следующее, — произнёс он. — Обучение с общим потоком новобранцев. Никаких исключений по физическим нормативам, никаких поправок на отсутствие подготовки. Через шесть недель — первое испытание. Не сдала — статус аннулируется. — Пауза. — Вопросы?

— Один, — сказала я. — Где выдают форму?

Кто-то из всадников за спиной Кейна издал звук. Не смех — скорее подавленный кашель человека, который не был готов к этому повороту.

Кейн наконец посмотрел на меня. Прямо, без обиняков — и в этом взгляде было что-то, что я уже начинала узнавать. Не злость. Злость горячая, она на поверхности. Это было холоднее: человек, который пересчитывает варианты и обнаруживает, что один из них ему не нравится.

— Со склада, — сказал он. — Рейн покажет.

— Благодарю.

Я развернулась и пошла к двери.

— Соколова.

Я остановилась. Не обернулась сразу — дала секунду, ровно столько, сколько нужно чтобы это не выглядело как немедленная реакция на команду. Потом обернулась.

Кейн смотрел на меня с тем же выражением — холодным, оценивающим.

— Шесть недель, — повторил он. — Это не снисхождение. Обычный срок для новобранца — четыре.

Он дал мне две лишние недели. Не объявил об этом как о поблажке. Просто факт.

Интересно.

Нерабочая информация. Бетон. Арматура. Серьёзное строение.

— Я уложусь в четыре, — сказала я.

Пауза.

— Посмотрим, — произнёс он.

И это прозвучало не как угроза. Почти как обещание.

* * *

Рейн оказался именно таким, каким я его запомнила — высокий, рыжеватый, с лицом человека, который в жизни не умел притворяться, что ему неинтересно. Ему было лет двадцать, не больше. Он нёс мою форму — серый комплект, как у всех — и явно умирал от желания задать двести вопросов.

Я позволила ему задать три, пока мы шли к драконьему двору. На четвёртом вопросе про драконов в моём мире — я остановилась.

— Рейн. Мне нужна информация о драконе, который меня выбрал. Всё, что ты знаешь.

Он моргнул. Перестроился мгновенно — видно было, что голова у него работает быстро.

— Ему три года от первого вылета. Это молодой — взрослые начинают от семи. Линия старая, кровь сильная, поэтому он крупнее сверстников. — Рейн помолчал секунду. —

Командор ждал его для Тавера.

— Кто такой Тавер?

— Лучший кандидат этого Призыва. Готовился три года.

— Рейн произнёс это без осуждения, просто как факт. — Дракон к нему не подошёл.

Вот почему Кейн смотрит на меня именно так.

Я не просто проблема. Я проблема, которая пришла на чужое место.

— Как его зовут? — спросила я.

— Тавера? Или...

— Дракона.

Рейн посмотрел на меня с удивлением — лёгким, как будто вопрос был неожиданно простым для того, кто уже задавал сложные.

— Сав, — сказал он. — Его зовут Сав.

Сав.

Я молчала секунду.

Просто имя. Короткое, твёрдое, как камень под ногой.

Почему-то это что-то изменило. Не знаю что именно — но что-то.

— Спасибо, — сказала я. — Дальше я сама.

* * *

Сав был в отдельном загоне — большом, открытом, с каменными стенами по пояс взрослому человеку и открытым небом сверху. Он лежал, когда я вошла, и поднял голову немедленно — с тем же движением, что и вчера на площади. Узнал. Янтарные глаза остановились на мне и остались.

Я подошла и встала рядом.

— Значит, Сав, — сказала я вслух.

Он повёл головой — медленно, будто пробуя, как звучит имя в моём произношении. Потом издал звук — низкий, грудной, не похожий ни на что из того, что я слышала раньше. Что-то между урчанием и далёким громом.

Подтверждает. Это точно его имя.

Я опустилась на корточки рядом с его мордой — так, что-

бы быть на одном уровне с глазами. Глупо, наверное. Он в двадцать раз больше меня. Но почему-то казалось важным не стоять над ним.

— Слушай, — сказала я. — Я не знаю, что ты понял вчера. И честно говоря, я не знаю, что поняла я. Но ты сделал выбор, который изменил мне всё. Я в чужом мире без карты и без гарантий. — Я помолчала. — Я не собираюсь тебя за это ненавидеть. Но мне нужно понять, зачем.

Сав смотрел на меня. Не моргал — или мигал как-то иначе, не так, как я привыкла. В янтарных глазах было что-то, от чего у меня по спине прошла странная волна — не страх, что-то другое. Узнавание, что ли. Как будто я смотрю на что-то, что уже видела, только не помню где.

Он придвинул морду чуть ближе — медленно, давая время отодвинуться, если я захочу. Я не отодвинулась.

Тёплый воздух. Запах дыма и чего-то минерального, острого. И вот этот звук снова — тихий, низкий.

У меня сжалось что-то в груди.

Не от страха.

Я не умею это объяснить. Это как когда заходишь в место, где никогда не была, и понимаешь — что-то здесь моё.

Не в смысле собственности. В смысле ответственности.

Моё — значит я за него отвечаю.

Я протянула руку и коснулась его морды — там, где чешуя была самой тёмной, почти чёрной, у переносицы. Тёплая. Твёрдая снаружи и живая под пальцами — как будто под чешуёй что-то пульсировало, ровно и глубоко.

— Ладно, — сказала я тихо. — Будем разбираться вместе.

Сав закрыл глаза.

Ненадолго — секунды на три. Как будто что-то принял.

Я сидела рядом с ним и думала, что в своём мире у меня никогда не было ни кота, ни собаки. Не потому что не хотела — просто некому было бы оставить. Работа, разъезды, проекты.

А теперь у меня есть дракон.

Жизнь умеет удивлять.

* * *

Кейн пришёл через полчаса.

Я услышала шаги раньше, чем увидела его — твёрдые, ровные, без спешки. Сав услышал ещё раньше: приоткрыл

один глаз, посмотрел на ворота загона и снова закрыл. С видом существа, которое всё знает наперёд и в целом согласно с ходом событий.

Предатель.

Кейн остановился у ворот. Не вошёл — облокотился о каменную стену и смотрел. На меня. На Сава. Снова на меня.

— Они не подпускают чужих, — сказал Кейн.

— Его зовут Сав, — произнесла я наконец — спокойно, без подтекста.

— Я знаю, как его зовут, — ответил Кейн.

— Я узнала час назад, — сказала я. — Хотела тебя поблагодарить, что не сказал сам. Мне было важно узнать от кого-то другого.

Он наконец посмотрел на меня — с выражением человека, которого застали за чем-то, чего он не планировал показывать.

— Почему?

Хороший вопрос.

Потому что имя дракона из твоих уст прозвучало бы как информация. А мне нужно было, чтобы оно прозвучало просто как имя.

— Так получилось, — сказала я.

Кейн смотрел на меня несколько секунд. Потом перевёл взгляд обратно на Сава.

— Завтра первая тренировка. Общий двор, рассвет. — Голос ровный, рабочий. — Опоздание засчитывается как пропуск. Три пропуска — автоматическое отстранение.

— Поняла.

— Там будут люди, которые тренируются по два года. — Он помолчал. — Это не предупреждение. Просто факт.

Он снова даёт мне информацию. Не обязан. Не должен. Но говорит.

Я не знаю, что с этим делать.

Пока — ничего. Наблюдать.

— Ещё один факт, — сказала я. — У тебя хороший дракон.

Кейн остановился.

— Что?

— Аркас. Он прилетал над загоном, пока ты шёл сюда. Два круга, низко. — Я пожала плечами. — Я не знаю ваши обычаи. Но в моём мире, когда кто-то делает два круга над тем, кого выбрал другой — это означает одобрение.

Пауза была долгой.

Я не придумала про Аркаса. Он правда летал — я видела тень, слышала взмахи крыльев. Просто не была уверена в интерпретации.

Но интерпретация явно попала куда надо.

— Это не значит одобрение, — сказал Кейн наконец. Тихо. — Это значит, что он наблюдает.

— Хорошо. — Я встала, отряхнула колени. — Наблюдение тоже подходит.

Я взяла со скамьи сложенную форму — Рейн оставил — и пошла к выходу. Кейн стоял у ворот и не двинулся. Мне

пришлось пройти мимо него вплотную — загон был узкий.

В полуметре. Потом в метре. Запах кожи и чего-то острого, как металл перед дождём.

Нерабочая информация.

Весь строительный квартал под снос. Отселить жильцов. Забетонировать.

— Соколова.

Я остановилась. Не оглянулась.

— Почему ты не боишься? — спросил он.

Не «почему ты не уходишь». Не «ты понимаешь, что тебя ждёт». Именно это — почему не боишься.

Потому что я боюсь. Просто это никому не полезная информация, включая тебя.

— Боюсь, — сказала я. — Просто не вижу в этом смысла.

Я не обернулась.

Пошла к корпусу.

За спиной было тихо. Ни шагов, ни голоса.

Он стоит и смотрит мне вслед.

Не знаю откуда я это знаю. Просто знаю.

Нерабочая информация. Весь район под снос. Новая застройка. Добро пожаловать в жилой комплекс повышенной защиты.

* * *

Форма оказалась на удивление удобной.

Плотная ткань, не тяжёлая, с запасом на движение. Куртка с воротом, штаны с широким поясом, мягкие сапоги со шнуровкой до колена. Серое всё, как у всех.

Я смотрела на себя в узкое зеркало, которое нашла в комнате, и пыталась опознать себя в этом отражении.

Операционный директор Соколова В.А., тридцать один год, Москва.

Всадница-новобранец Орден Крыла, первый день, Аэрин.

Одна и та же женщина. Разные вводные.

Вводные меняются. Метод остаётся.

Я сложила деловой костюм аккуратно — под кровать, в

пакет, который нашёлся среди вещей предыдущего жильца. Каску поставила рядом.

Телефон показывал семь вечера — московское время, которое здесь ни о чём не говорило. Зарядки оставалось тридцать один процент.

Тридцать один процент. Потом он выключится и это будет просто стекло и металл.

Не думать об этом.

Я открыла блокнот — обычный, клетчатый, с огрызком ручки — и написала вверху страницы: «День 1».

Потом подумала и зачеркнула.

Написала: «День 0. Завтра начинается».

За окном Сав устраивался на ночь — я слышала это по звуку: шорох чешуи, тяжёлый выдох, потом тишина. Он выбрал позицию прямо под стеной корпуса, ближе к моему окну.

Моё — значит я за него отвечаю.

Ладно. Договорились.

Завтра рассвет. Тренировочный двор. Люди, которые умеют то, чего я не умею, и смотрят на меня как на ошибку системы.

И Кейн, который ждёт, когда я сломаюсь.

Я закрыла блокнот.

Легла.

Подумала о его вопросе — «почему ты не боишься» — и о том, что он задал его не как командор. Как человек, которому это было по-настоящему интересно.

Опасный человек, Командор Кейн.

Именно потому что интересный.

Строительный объект закрыт. Доступ запрещён. Нарушителей расстреливать.

Я закрыла глаза.

Снаружи тихо дышал дракон по имени Сав.

Впервые за два дня мне не было так одиноко.

Глава 4. День первый

Брас посмотрел на меня так, как смотрят на вещь, которую кто-то поставил не туда.

— Это тренировка новобранцев, — сказал он. Не грубо. С тем искренним участием, с которым говорят «здесь глубоко» человеку без умения плавать.

— Я новобранец.

— Ты женщина.

— Одно другому не мешает.

Пауза. Брас смотрел на меня с видом человека, у которого в голове столкнулись два неоспоримых факта и никак не могут договориться.

— Командор назначил? — спросил он наконец.

— Командор назначил.

Он кивнул — медленно, как человек, принимающий неизбежное — и повернулся к остальным.

— В шеренгу.

Я встала крайней.

Торн — широкоплечий, с осанкой человека, которому с рождения объясняли, что он важен — скосил взгляд. Потом, не особенно понижая голос, сказал соседу:

— Дракон совсем ополоумел. Может, завтра приведёт козу.

Кто-то хмыкнул.

Козу. Хорошо.

Я запомню это на потом.

Со стороны главного корпуса к двору подошёл немолодой всадник с нашивками — остановился у ограждения, увидел меня, и его брови поехали вверх с такой выразительностью, что можно было не добавлять слов. Но он добавил:

— Брас. Это что.

— Новобранец, — ответил Брас, не оборачиваясь. — Командором назначен.

— Что с Орденом делается, — сказал всадник — и ушёл. Без ответа, без реакции. Просто констатировал.

Что с Орденом делается.

Мне нравится эта фраза. Она означает, что что-то меняется. Люди говорят так именно тогда, когда мир ведёт себя не по договорённости.

— Сегодня два испытания, — объявил Брас. — Выноси-мость и ориентирование. Начинаем с бега. Пять вёрст, внешний периметр. За мной.

* * *

Пять вёрст — это примерно пять километров.

Я знала это в теории.

На второй версте теория кончилась.

Они бежали. Я тоже бежала — в том смысле, что ноги переставлялись быстрее, чем при ходьбе. Кас уже маячил далеко впереди. Торн держал темп легко, с видом человека, для которого это разминка. Даже Лис — нервный, городской, явно не спортсмен — отставал от меня меньше, чем я рассчитывала.

На третьей версте Лис меня обогнал.

Лис.

Лис обогнал меня.

Фиксируем. Не переживаем. Фиксируем.

На четвёртой у меня горело всё — лёгкие, ноги, что-то в боку, что я привыкла называть «колет» и никогда не выясняла, что именно. Брас равномерно трусил впереди группы с видом человека, которому скучно.

Я финишировала последней.

На две минуты четырнадцать секунд позже предпоследнего. Это был Лис.

Я остановилась у финишной черты, уперлась руками в колени и дышала. Просто дышала — это было всё, на что я была способна примерно пару минут.

Торн смотрел на меня без злорадства. Что было хуже злорадства — потому что злорадство предполагает сюрприз. В его взгляде не было никакого сюрприза.

— Природа, — сказал он. Не мне. В воздух. — Ничего не

поделаешь.

Природа.

Восемь лет в строительном бизнесе, и мне говорят «природа» двадцатидвухлетний мальчик в средневековой крепости.

Ладно. Пусть думает про природу. Я пока разберусь со своей физической формой.

— Второе испытание, — сказал Брас. — Ориентирование. Каждому пергамент. Найти отмеченную точку, вернуться. Кто первый — тот первый. — Раздал листы. — Карт нет. Время пошло.

* * *

Остальные рванули сразу.

Торн — уверенно, без колебаний, явно знал лес. Кас за ним. Дан — методично проверил солнце, выбрал направление. Эрик исчез между деревьями тихо, как будто его не было. Лис потоптался, посмотрел на меня — мол, куда ты — и пошёл вслед за Даном.

Я не двинулась.

Посмотрела на пергамент.

Точка. Две линии у неё — одна прямая, одна изогнутая. Прямая идёт от угла листа. Изогнутая пересекает её посередине.

Это не просто точка на пустом листе. Это схема. Два ориентира: что-то линейное и что-то водное. Точка на их пересечении.

Нужно найти просеку или дорогу — и реку или ручей. Они пересекаются где-то в лесу. Там камень.

Ветер шёл с запада — ровный, несильный. В лесу ветер тянет через просветы. Просека, скорее всего, открыта на запад.

Я пошла на запад.

Просеку нашла через двадцать минут — старую, заросшую по краям, но читаемую. Пошла вдоль неё на север: там должна быть низина, а низина — вода. Ручей нашёлся через полчаса. На пересечении с просекой стоял старый камень с выщербленным знаком.

Есть.

Брас стоял у ворот один. Смотрел, как я выхожу из леса.

— Нашла? — спросил он.

— Камень на пересечении просеки и ручья. Пятьдесят минут.

Он записал. Помолчал.

— Как?

— Пергамент — схема с двумя ориентирами. Ветер и рельеф подсказали направление.

Пауза. Брас смотрел на мой пергамент с тем выражением, с которым смотрят на вещь, которую видели сотни раз и только сейчас заметили в ней что-то новое.

— Иди отдохни, — сказал он.

В его системе это значит: принято.

Торн вернулся через час десять. Увидел меня у стены — сидела, пила воду — и остановился. Посмотрел на Браса. Тот не сказал ничего.

Что-то прошло по лицу Торна. Я не успела разобрать — слишком быстро.

На разборе он сказал — в пространство, как обычно:

— Ручей было слышно от ворот. Любой бы нашёл.

— Нет, — сказал Дан. Тихо, но чётко. — Я проверял.

Торн не ответил.

Дан. Запомнить.

* * *

Кейн появился в арке главных ворот именно тогда, когда мы возвращались.

Шёл куда-то — в чёрном, двое всадников за спиной — и увидел нашу группу. Остановился.

Группа тоже остановилась. Не сразу — сначала Лис, потом Кас, потом остальные, один за другим. Даже Торн выпрямился на полсантиметра. Даже Брас замедлил шаг.

Он ничего не сказал. Просто появился — и у всех изменилась осанка.

Вот что такое настоящий авторитет. Не тот, который объявляют. Тот, который чувствуют кожей.

Взгляд Кейна прошёлся по лицам — быстро, профессионально — и остановился на Брасе.

— Как день?

— Выносливость — шестая из шести, — ответил Брас ровно. — Ориентирование — первая.

Кейн перевёл взгляд.

На меня.

Я смотрела на него.

Не вниз — на него. Прямо. Как смотрит человек, которому нечего скрывать.

Все вокруг отводят глаза — это рефлекс. Командор появился — взгляд в землю. Я не умею этого рефлекса. Там, откуда я родом, смотреть в глаза — это уважение, не дерзость.

Здесь это читается иначе. Я это знаю.

Мне всё равно.

Что-то изменилось в его лице — на один градус, как все-

гда.

— Шестая и первая, — повторил он. Не вопрос. Просто — повторил.

— Верно, — сказала я.

Не «да, Командор». Просто — верно. Как говорят, когда подтверждают факт, а не рапортуют начальнику.

Кейн смотрел на меня ещё мгновение. На мой ровный голос. На прямой взгляд. На то, что я стою как человек, которому незачем ни оправдываться, ни объяснять.

— Выносливость подтянуть, — сказал он наконец. Брасу, не мне.

— Подтянем, — ответил Брас.

Кейн кивнул. Пошёл дальше. Его всадники двинулись следом.

Группа молчала секунды три.

Лис выдохнул — как человек, который задержал дыхание и только сейчас об этом вспомнил.

Дан поравнялся со мной по дороге к корпусу.

— Так с ним не разговаривают, — сказал он тихо. Без осуждения. Просто факт.

— Как — так?

— Глаза не отводят, только когда хотят показать, что не боятся. Это вызов.

— В моём мире смотреть в глаза — это уважение, — сказала я.

Дан помолчал.

— Он это тоже заметил, — сказал он. И замолчал.

* * *

Вечером болело всё.

Я лежала и смотрела в потолок, и думала не о ногах, не о двух минутах четырнадцати секундах.

Думала о том, как Кейн смотрел, когда я не отвела взгляд.

Не злился.

Пересчитывал что-то.

Пусть считает.

В окно ударило мягкое и настойчивое. Янтарный глаз в узком окне — Сав снова не помещался и снова пробовал.

— Загон, — сказала я. — Я приду утром.

Янтарный глаз смотрел. Потом исчез. Шаги — медленные, недовольные — в сторону загона.

Ушёл. С характером.

Понимаю.

Двадцать семь дней.

Глава 5. Спарринг-партнер

Скоро у меня выработался режим.

Рассвет — к Саву. Он ждал уже у ворот загона — делал вид, что не ждал, просто случайно стоял там — и смотрел, пока я не села рядом. Тогда складывался. Ложился. Закрывал глаза. Как будто только этого и ждал, чтобы позволить себе отдохнуть.

Не такой как все дракон-подросток на мою голову. Я начинала к нему привязываться.

Потом тренировка. Бег — разрыв с двух минут четырнадцати до минуты сорока. Брас записал другую цифру, не прокомментировал. Тактика — первая, стабильно, без исключений.

Орден привыкал ко мне медленно и с явным усилием.

В коридорах провожали взглядами — без злобы, с тем устойчивым недоумением, с которым смотрят на вещь не на своём месте. За спиной, не скрываясь:

— Командор терпит пока.

— Дракон молодой, перебесится.

Дракон молодой, перебесится.

Ждите. Я ещё не начинала бесить.

* * *

На пятый день Торн перешёл черту.

Тактическое задание было парным. Брас разбил нас — я и Лис против Торна и Каса. Лис посмотрел на состав с видом человека, заранее принявшего судьбу. Я объяснила диспозицию быстро: Лис отвлекает Каса, я обхожу Торна.

— Они сильнее, — сказал Лис.

— Знаю. Поэтому не идём напрямую.

Задание началось. Лис пошёл на Каса — неловко, но убедительно. Торн двинулся ко мне. Быстро. Слишком быстро для человека, которого интересует флаг.

Он идёт не к флагу. Он идёт ко мне.

Он перехватил мою руку — жёстко, выше локтя — и остановил.

— Иди домой, — сказал он. Тихо, почти дружелюбно. — Пока сама можешь.

Двор замер.

Угроза. При всех. Намеренно.

Хорошо.

Я посмотрела на его руку — спокойно, как смотрят на предмет не на месте. Потом на него.

— Убери руку. Мне не хотелось бы просить дважды.

— Или что? — спросил он.

— Или ты узнаешь — или что.

Он держал ещё секунду. Потом отпустил — медленно, с видом человека, который делает это по собственному решению.

Я обошла его справа и взяла флаг.

Лис не поверил своим глазам. Потом засмеялся — коротко, осёкся.

Торн не смотрел на меня до конца дня. Это красноречивее любых слов.

** * **

Норматив по спаррингу Брас объявил на шестой день.

— Каждый проводит один полный раунд. По результату получаете оценку. — Он посмотрел на список. — Разбиваемся по парам.

Торн — с Касом. Дан — с Эриком. Лис — с Брасом.

Я стояла и ждала своей пары.

Брас закрыл список. Поднял взгляд. Посмотрел на меня — потом на двор — потом снова на список.

— Соколова... — Он остановился.

Пар не осталось. Нас шестеро, всё чётно, но меня никто не хочет в пару — и Брас это знает, и все это знают, и никто ничего не говорит, потому что это не обсуждается. Просто так получилось. Само собой.

Само собой.

Конечно.

Я огляделась.

У стены стоял Кейн.

Пришёл пока Брас зачитывал список — тихо, без объявления. Стоял, скрестив руки, смотрел на двор с выражением человека, для которого всё происходящее — плановое наблюдение.

Смотрел. В том числе на это. На то, как Брас не может найти мне пару. На то, как я стою отдельно, пока остальные пятеро уже знают с кем они.

Он видит. И молчит.

Что-то во мне щёлкнуло.

Не злость. Точнее — злость, но холодная. Та, которая не мешает думать, а помогает.

Я повернулась к Кейну.

— Командор.

Двор замер — буквально, как будто кто-то нажал паузу.

Кейн посмотрел на меня. Одно движение глаз — и всё.

— Проведите со мной раунд, — сказала я. — Раз больше никому.

Тишина была такой, что было слышно ветер за стенами.

Лис смотрел на меня с выражением человека, наблюдающего за тем, как кто-то добровольно идёт на смерть. Если честно — я ощущала примерно так же, просто злость была сильнее страха. Торн перестал двигаться. Даже Брас — невозмутимый, видевший всякое Брас — секунду просто стоял.

Кейн не двигался. Смотрел на меня.

— Ты понимаешь, что просишь, — сказал он. Не вопрос.

— Понимаю. Норматив по спаррингу. Мне нужен противник. Вы здесь. — Я пожала плечом. — Логично.

Кто-то из старших всадников за его спиной кашлянул.

Кейн молчал ещё секунду. Потом отошёл от стены.

Взял деревянный меч из стойки.

— Один раунд, — сказал он.

Двор выдохнул — весь, одновременно.

* * *

Я поняла, что совершила ошибку, примерно через пять секунд.

Не в том смысле, что зря вызвала. В том смысле, что была совершенно не готова к тому, с чем именно столкнулась.

Кейн двигался иначе, чем все, кого я видела. Не быстрее — хотя он был быстрее. Дело было в другом: в нём не было ни одного лишнего движения. Брас был точным. Дан был быстрым. Кейн был другим — каждое его движение было таким выверенным, таким неотвратимым, что уклоняться от него было почти бессмысленно, как уклоняться от воды, которая течёт под уклон.

Она всё равно дойдёт.

Первые пятнадцать секунд я только уходила — влево, вправо, назад. Он не давил — просто двигался, сокращал пространство, не давал мне найти угол. Я попыталась блоки-

ровать — он обошёл блок так спокойно, что мне стало неловко за блок. Попыталась контратаковать — его свободная рука поймала моё запястье на замахе, не давая завершить.

Просто поймала. Без усилий. Как ловят муху на лету.

Он отпустил — и снова пошёл вперёд, оттесняя меня к стене. Шаг. Ещё шаг. Я уходила, но пространство кончалось.

Хорошо. Силой не выйдет. Скоростью не выйдет. Думать.

Я начала смотреть не на меч — на него. На плечи, на постановку ног, на то, как он переносит вес перед каждым движением.

И на тридцатой секунде увидела.

Перед атакой вправо — правое плечо чуть опускается. Едва заметно, полсекунды раньше удара. Один раз. Второй.

Вот.

Я пропустила следующую его атаку намеренно — изучала. На третьей — когда правое плечо снова пошло вниз — я не отступила. Я шагнула вперёд. Внутрь его атаки, туда, где меч

уже не достаёт и где остаётся только тело напротив тела.

Один момент — я почти успела.

Почти.

Он среагировал раньше, чем я додумала движение. Свободная рука перехватила моё запястье — крепко, без усилия, так держат вещь, которую не намерены отпускать. Его корпус развернул меня одним движением — плавным, почти небрежным, как будто ему не стоило никаких усилий переместить меня куда нужно, — и через секунду моя спина была против стены.

Его рука с мечом — плашмя рядом с моей головой. Деревянное лезвие у виска, в сантиметре. Он стоял передо мной вплотную и смотрел сверху вниз.

Близко.

Я почувствовала его раньше, чем успела осознать — тепло, вес присутствия человека, который занимает пространство не размером, а тем, чем он является. Запах кожи, металла и чего-то острого, как воздух перед грозой.

Его рука на моём запястье держала не больно — просто держала. Так, что было совершенно ясно: он отпустит, ко-

гда решит. Не раньше.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него.

Двор молчал — ни звука, ни движения.

— Ты заметила, — сказал он. Тихо. Только для меня. Не вопрос — констатация.

— Да, — сказала я.

— Когда.

— Тридцатая секунда.

Что-то изменилось в его взгляде — тот самый сдвиг на один градус.

— Никто не видит это так быстро.

— Я смотрела не на меч, — сказала я. — На движения.

Три секунды.

Он не отступил. Я не отступила. Мы стояли вплотную у этой стены, весь двор смотрел, никто не дышал — и это было

неправильно, и мне было совершенно всё равно.

Потом его пальцы на моём запястье чуть сдвинулись.

Не разжались — сдвинулись. Большой палец лёг на внутреннюю сторону запястья — там, где пульс — и на секунду задержался. Одна секунда. Может, меньше.

Потом он выпустил мою руку.

Это было лишнее.

Это не было нужно для того, чтобы удержать меня у стены. Это не было нужно для того, чтобы закончить раунд. Это было просто — лишнее.

Он это сделал. Я это почувствовала. Мы оба сделали вид, что этого не было.

Кейн отступил на шаг. Развернулся к двору.

— Продолжайте, — сказал он Брасу. Голос совершенно ровный.

Положил меч на стойку. Пошёл к воротам.

Я выдохнула — медленно, так чтобы никто не увидел.

У ворот он остановился. Не обернулся.

— Соколова.

— Да, — сказала я.

— Завтра сдаёшь норматив. С человеком из своей группы.

— Пауза. — И не надо больше замахиваться на то, к чему не готова.

Это прозвучало чисто и холодно. Как приговор — ровным голосом, без злобы, что было хуже злобы.

Не надо замахиваться на то, к чему не готова.

При всех. Намеренно. Чтобы слышали.

И ушёл.

Двор молчал три секунды.

Потом Лис выдохнул — громко, как человек, задерживавший дыхание с начала раунда.

— Она только что... — начал он.

— Да, — сказал Дан. Коротко.

— И он её...

— Да.

Торн молчал. Смотрел туда, куда ушёл Кейн. Выражение у него было такое, что я решила не разбирать.

Брас подошёл ко мне. Посмотрел — тем взглядом, которым смотрят на материал, оказавшийся другой породы, чем ожидалось.

— Больно? — спросил он.

— Нет, — сказала я.

— Это была ошибка, — сказал он. — Вызывать его. Ты это понимаешь.

— Понимаю.

— И всё равно вызвала.

— Других вариантов не было.

Брас помолчал секунду. Потом:

— Это неплохо.

Он развернулся и пошёл к остальным группам — давать задания, смотреть результаты, делать свою работу.

Я взяла деревянный меч.

Не надо замахиваться на то, к чему не готова.

Сказал человек, который прижимал меня к стене — просто так, ни для чего, пока весь двор смотрел.

Я это запомню.

Двадцать три дня.

Глава 6. Принятие

Горт стоял у ворот загона снаружи.

Это само по себе говорило о многом — Горт никогда не стоял снаружи. Это был его загон, его работа, его мир. Но сейчас он стоял у ворот с видом человека, который столкнулся с чем-то, выходящим за пределы должностных инструкций, и решил переждать.

Я подошла. Заглянула.

Аркас занимал примерно треть загона.

Лежал в центре — огромный, тёмный, с закрытыми глазами и видом существа, которое пришло по делу и никуда не торопится. Рядом с ним сидел Сав — очень прямой, очень тихий. Как студент первого дня рядом с деканом, перед которым хочется произвести впечатление и немного страшно.

Понимаю его. Я уже неделю в этом мире и примерно так же себя чувствую каждое утро.

— Давно? — спросила я у Горты.

— До рассвета пришёл. Я не стал мешать.

— Правильно.

— Вера Александровна, — сказал он осторожно, — это Аркас. Командорский дракон. Ему двести с лишним лет и он —

— Вижу. — Я вошла в загон.

Горт остался снаружи и, судя по звуку шагов, тихо отступил ещё дальше от ворот.

Аркас открыл глаза, когда я подошла. Посмотрел — медленно, внимательно, с тем особым вниманием очень старых существ, которые не тратят его впустую. Не на угрозу. Не на интерес. Как смотрят на вещь, которую давно искали и наконец нашли.

У меня по спине прошло что-то — не страх. Что-то другое, более странное.

Потом Аркас медленно перевёл взгляд на Сава — как будто ответил на какой-то собственный вопрос и закрыл его.

Сав немедленно ткнулся мордой мне в плечо. По привыч-

ке. По утренней необходимости.

— Привет, — сказала я. — Вижу, у тебя гость.

Сав фыркнул с интонацией «я сам не понимаю как это вышло, но в целом не против».

* * *

Рейн прибежал через три минуты.

Он всегда прибегал, когда что-то происходило. Остановился у ворот, увидел Аркаса — и на его лице за несколько секунд промелькнуло: удивление, понимание, восторг, что-то похожее на панику, снова восторг.

— Ты знаешь, что это значит? — выдохнул он.

— Нет. Объясняй быстро, пока Командор не пришёл.

Рейн вошёл, сел рядом со мной на каменный выступ у стены.

— Принятие, — сказал он. — Это очень старый закон. Старше Ордена, старше всех государств. Он существовал ещё до того, как люди и драконы заключили союз. — Рейн говорил быстро, но чётко — чувствовалось, что он знал это

хорошо и любил знать. — Суть вот в чём: когда старший дракон берёт молодого под опеку, это называется Принятием. Старший передаёт молодому что-то, что люди не умеют измерить и не очень умеют объяснить — память крови, опыт, знание. Это происходит через присутствие, через совместные полёты, через то, что мы называем «разговором без слов». Несколько месяцев, иногда год.

— Хорошо. Что это значит практически — для нас?

— По закону Принятия: пока оно длится, всадник старшего дракона обязан участвовать в подготовке младшей пары к первому совместному испытанию. Это не просьба и не традиция — это закон, который стоит выше любого приказа Командора, выше решения Совета, выше всего. — Рейн помолчал. — И ещё одно: в период Принятия старший дракон не подчиняется своему всаднику в вопросах, касающихся подопечного. Связь не рвётся — просто в этих конкретных вопросах у дракона есть приоритет.

Я посмотрела на Аркаса.

Аркас не подчиняется Кейну. В том, что касается Сава. В том, что теперь касается меня.

— Это часто бывает? — спросила я. — Принятие?

— Несколько раз в поколение. Это честь для молодого дракона и серьёзное обязательство для старшего. Не все соглашаются — именно потому что обязательство настоящее. — Рейн помолчал. — Но Аркас... — Он покачал головой. — За двести лет он не брал никого. Ни разу. Вообще.

— То есть за двести лет — ни разу. А тут — Сав.

— Да.

— После того, как Сав выбрал меня.

— Да, — сказал Рейн. Немного осторожно.

Я смотрела на Аркаса. Аркас лежал с закрытыми глазами — спокойный, огромный, совершенно непроницаемый.

Это не случайно. Ни одна из этих вещей не случайна.

— Тут еще кое-что есть... Кажется, тебе еще ничего не рассказали про Смотр

Так протянуто и страшно прозвучало у него это слово, что мне захотелось вызвать на спарринг каждого из членов Ордена по отдельности. И домой

— Это что такое? — спросила я угрожающим шепотом

По его лицу пробежала неловкость — лёгкий стыд не за себя.

— Смотр — это большое событие Ордена. Раз в несколько лет, когда Командор решает, что пришло время. Все всадники со своими драконами собираются в Цитадели, и перед ними приезжают представители государств, которым Орден служит по договору — лорды, советники, иногда сами правители. Это не просто демонстрация. Это политическое событие. Государства подтверждают договор с Орденом, видя, что Орден силён, что пары работают, что защита настоящая. — Рейн помолчал. — Каждая пара показывает связь. Управляемый полёт, три базовые команды в воздухе, строй с другими парами. Это выглядит красиво, но за этим — реальная работа. Годы работы.

— Когда?

— Через несколько недель после нормативов. Об этом знали в Ордене уже полгода.

— Кроме меня, — сказала я.

— Кроме тебя, — тихо подтвердил Рейн.

Само собой. Зачем сообщать женщине на испытательном сроке о политическом мероприятии Ордена.

Само собой.

— И Сав должен там быть?

— Все всадники. Все пары. — Рейн кивнул. — Сав тоже.

— Сав ни разу не летал со мной.

— Знаю.

— Это значит, что у нас очень мало времени и очень много работы.

— Да.

— И теперь Принятие даёт нам Командора в обязательные кураторы.

Молчание было мне ответом. Я кивнула. Посмотрела на двух драконов.

Сав выбрал меня — Аркас берёт Сава под Принятие —

первые за двести лет — после того, как Сава выбрал меня. Командор теперь обязан меня готовить по закону, который нельзя обойти.

Это не цепочка совпадений. Это что-то другое.

— Рейн, — сказала я. — Аркас. Откуда такая старая кровь у Сава? Рейн в первый день упоминал.

— Его линия очень старая — почти угасшая. Таких драконов мало. Говорят, эти линии помнят ещё то время, когда драконы и люди не были союзниками. — Рейн помолчал. — И ещё говорят, что такие линии чувствуют вещи, которые обычные драконы не чувствуют. Через расстояния. Через время. Иногда — через миры.

— Через миры, — повторила я.

— Это легенды, конечно.

— Конечно, — согласилась я.

Не легенды.

Со стороны корпуса донеслись шаги — твёрдые, быстрые, с тем ритмом, который бывает у людей, идущих к конкретной цели.

— Идёт, — сказал Рейн.

Он встал и вышел из загона с проворством человека, умеющего определять, когда лучше не быть рядом.

* * *

Кейн вошёл в загон — и сразу было видно, что он не просто шёл. Он себя сдерживал. Плечи немного напряжены, движения чуть более жёсткие, чем обычно. Человек, у которого внутри идёт работа по удержанию чего-то в рамках.

Остановился. Посмотрел на Аркаса.

— Аркас.

Аркас не шевельнулся.

— Аркас. Уйди.

Ничего.

Кейн стоял несколько секунд — очень тихо, с тем выражением, которое бывает, когда что-то, что считал неподвижным, сдвинулось. Потом перевёл взгляд на меня.

И всё, что он удерживал — вышло. Не криком. Ровным голосом, который был опаснее крика.

— Двадцать лет, — сказал он. — Двадцать лет он не делал ничего, что я не понимал. Ни одного решения, которое я не мог объяснить. А потом ты свалилась на мою голову — и за неделю мой дракон перестал меня слушаться.

— Я не просила его ни о чём.

— Знаю. Это не делает ситуацию лучше.

— Нет, — согласилась я. — Но претензии не по адресу. Я здесь стою, потому что дракон меня выбрал. Не потому что я что-то делала с твоим Аркасом.

— Ты здесь стоишь, — произнёс он, и в его голосе появилось что-то острое, — потому что каким-то образом оказалась на Призыве, куда женщин не пускают. Потому что молодой необученный дракон повёл себя как никогда раньше. Потому что теперь по древнему закону, который никто не отменял, я обязан тратить время на подготовку человека, который не имеет никаких шансов.

— Никаких шансов, — повторила я.

— Ты не летала. Ты не умеешь держать строй. У тебя нет года совместной работы с драконом — у тебя неделя. — Он говорил терпеливо, как говорят с человеком, которому объясняют очевидное. — Смотр — это не учебная тренировка. Там будут лорды, от которых зависит договор Ордена. Там будут опытные пары, которые работают вместе годами. Там строй, где один неверный манёвр — и падают трое. Ты понимаешь, что будет с репутацией Ордена, если на Смотре —

— Великий Командор, — сказала я, — боится, что я опозорю его Орден. Или боится, что справлюсь?

Он остановился.

— Что?

— Ты говоришь «никаких шансов» с такой уверенностью, будто уже знаешь исход. Но ты меня не видел в воздухе — потому что я ещё не летала. Ты не видел, как Сав слышит меня. — Я шагнула ближе. — Или видел? Брас сказал тебе про тактику. Про ориентирование. Про спарринг. Ты видел. И всё равно говоришь «никаких шансов».

— Это разные навыки.

— Это одно. Голова. — Я постучала пальцем по виску. —

Умение видеть то, что другие не видят. Умение читать ситуацию раньше, чем она стала очевидной. В строю это нужно так же, как в лесу с пергаментом. И ты это знаешь.

— В строю нужна физика, — отрезал он. — Скорость реакции, выносливость, сила. Ты сама прекрасно знаешь, где ты на беге.

— Последняя. — Я не отвела взгляд. — И что? Ты хочешь сказать, что всадник определяется тем, как быстро бежит по земле?

— Я хочу сказать, что женский организм —

— Стоп.

Что-то в моём голосе, видимо, было. Он остановился.

— Объясни мне вот что, — сказала я. — Сав слышит меня с первого раза. Без урока, без подготовки, без года работы вместе — он слышит намерение раньше, чем я его формулирую. Рейн говорит, что обычно на это уходит месяцы. У нас — неделя. Объясни мне это через женский организм.

Молчание.

— Не можешь, — сказала я. — Потому что здесь дело не в организме. Дело в чём-то, что ты не понимаешь. Чём-то, чего не понимаешь ты — и что понимает твой дракон.

— Не говори мне про моего дракона.

— Твой дракон за двести лет не брал никого под Принятие. И взял Сава. После того, как Сав выбрал меня. — Я смотрела на него прямо. — Ты думаешь, это случайность?

— Я думаю, — произнёс он, и голос стал холоднее, — что ты очень удобно всё это интерпретируешь в свою пользу.

— А ты очень удобно интерпретируешь в пользу «женщина не может». — Я не отступила. — Великий Командор, которого слушается весь Орден, боится потерять контроль над ситуацией. Боится, что придётся признать — дракон знает что-то, чего он не знает. Боится, что я справлюсь и это сломаёт какую-то картину мира.

— Ты переходишь черту.

— Ты тоже, — сказала я. — Ты ещё не видел, на что я способна в воздухе. Ты не можешь это знать.

Он смотрел на меня.

В его глазах было что-то — не злость, сложнее. Злость там тоже была, но под ней — что-то, что он не показывал.

— Ты понимаешь, что будет, если ты упадёшь? — спросил он тихо. — Не «покажешь плохой результат». Упадёшь. С высоты. На Смотре, перед лордами всех государств.

— Понимаю.

— И всё равно хочешь лететь.

— Я хочу попробовать, — поправила я. — Это разные вещи. — Я шагнула ещё ближе. — Послушай. Ты не можешь от этого отказаться — это закон. Я не могу от этого отказаться — Сав выбрал меня, и это не отменяется. Мы оба в ситуации, которую не выбирали. Ты злишься — имеешь право. Но прямо сейчас это единственное, что происходит. Ты злишься. А нам надо работать.

— Не говори мне, что надо делать, — произнёс он. Тихо. Почти опасно тихо.

— Тогда не говори мне, что я не справлюсь, пока не попробовал.

Что-то щёлкнуло. Он шагнул ко мне — резко, без предупреждения — схватил за плечо и развернул к стене загона. Не грубо, но без вопросов: его рука удержала её там, и он навис сверху — близко, так близко, что она видела каждую черту его лица.

— Ты понимаешь, — сказал он, — с кем разговариваешь?

— Понимаю, — сказала я. — С Командором, которому его собственный дракон только что сказал «нет» первый раз за двадцать лет. — Я смотрела на него снизу вверх — не вниз, не в сторону, прямо. — Это тяжело. Я понимаю. Но на меня давить не надо. Я не та, кто отводит взгляд.

Пауза.

Он стоял вплотную и смотрел — и я чувствовала его: тепло, тяжесть присутствия, запах кожи и металла и чего-то острого. И то, что под злостью — что он не показывал и сейчас почти показал.

А потом послышались шаги — тяжёлые, медленные.

Мы оба обернулись одновременно.

Аркас поднялся.

Медленно, с величием существа, которое не торопится никогда. Поднялся — и пошёл. Мимо Сава, — и остановился рядом. Опустил огромную голову так, что оказался между ними. Просто встал — тихо, неподвижно — и посмотрел на своего всадника.

Кейн отпустил её плечо.

Отступил на шаг.

Смотрел на Аркаса.

— Ты ни к кому не подходил, — сказал он. Тихо. Почти себе. — Двести лет. Ни к кому. — Пауза. — Предатель.

Аркас не двинулся. Просто стоял рядом.

Я не шевелилась.

Аркас только что встал между мной и Кейном. Двухсот-летний дракон, который ни к кому не подходил, встал рядом со мной.

Кейн говорит «предатель» — и в этом слове нет злобы. Только что-то тихое и тяжёлое, как будто земля ушла под ногами, а он ещё не решил, как к этому относиться.

— Твой дракон умнее тебя в этом вопросе, — сказала я. Тихо. Без насмешки.

Кейн посмотрел на неё.

— Это обидно? — спросила я. — Когда дракон, которому ты доверяешь двадцать лет, вдруг делает что-то, чего ты не понимаешь?

— Не лезь, куда не просят.

— Уже поздно. Меня сюда занесло без спроса, и я лезу везде где нужно.

Долгое молчание.

Кейн смотрел на Аркаса, который стоял рядом с ней — спокойный, непоколебимый, как будто так и надо. Потом перевёл взгляд на Сава. Потом на неё.

— Если ты упадёшь на Смотре, — сказал он наконец, — это будет удар по репутации Ордена. Это годы восстановления доверия государств. Это моя ответственность.

— Знаю.

— И ты всё равно настаиваешь.

— Я не упаду.

— Ты не можешь этого знать.

— Ты тоже не можешь знать, что упаду. — Я смотрела на него. — Единственный способ узнать — попробовать. И у нас нет другого варианта — ты сам это понимаешь.

Пауза.

Аркас рядом со мной выдохнул — тихо, глубоко — и лёг обратно. Рядом с Савом. Как ни в чём не бывало.

Как будто сказал всё, что хотел, и вернулся к своим делам.

Кейн смотрел на него долго.

Потом — на меня.

— Завтра с рассвета, — сказал он. Голосом человека, который принял решение, которое не нравится, и намерен выполнить его так, чтобы больше к этому не возвращаться. — Каждое утро до тренировки с Брасом.

— Хорошо.

— В воздухе — мои решения. «Стоп» значит стоп.

— В воздухе — да. На земле обсуждаем.

Он посмотрел уже без злости, просто устало.

— Ты не можешь просто согласиться?

— Могу. Но тогда буду делать это бездумно. В воздухе это опаснее, чем если я понимаю зачем.

— Это логика или упрямство?

— Оба варианта, — призналась я.

Что-то прошло по его лицу — очень быстро. Я не успела назвать, но оно было.

— В воздухе — стоп значит стоп, — повторил он.

— Договорились.

Кейн кивнул — коротко, без тепла — и пошёл к воротам.

Остановился.

— Соколова.

— Что.

— Сав слышит тебя. — Голос ровный, без интонации. — Я видел сегодня, когда входил. Аркас это тоже видел. Я не знаю что это значит. Но это что-то значит.

И ушёл.

* * *

Я осталась в загоне с двумя драконами.

Сав положил голову мне на колени — немедленно, деловито, как делает каждое утро когда я сижу рядом. Аркас лежал в центре загона с закрытыми глазами.

Я смотрела на него.

Аркас его не предал. Аркас что-то знает — и делает то, что считает нужным.

Вопрос — что именно он знает.

— Ты знаешь кто я? — спросила я вслух.

Аркас не открыл глаза. Но что-то в нём — едва уловимое — изменилось. Как меняется воздух в комнате, когда кто-то слышит правильный вопрос.

— Не сейчас, — сказала я сама себе. — Ещё не время.

Я думала про кристалл. Про подвал в московском особняке девятнадцатого века. Про то, что кристалл — осколок дракона, погибшего в моём мире. Рейн объяснил в первые дни. Сав почувствовал этот осколок через миры и вытащил меня сюда. А Аркас — старейший из живущих, видевший то, чего не видел никто другой — берёт Сава под Принятие.

Тот дракон, чьим осколком был кристалл. Аркас мог его знать.

Мог его помнить.

Это объяснило бы всё.

И не объяснило бы ничего, потому что следующий вопрос — почему этот дракон погиб в моём мире, как туда попал, что за осколок лежал в подвале московского особняка, и что это значит для меня.

Мне нужны архивы. Там есть записи о Путниках, о перемещениях между мирами, о драконьих линиях. Там есть ответы, которые Аркас знает и пока молчит.

Для архивов — ранг.

Для ранга — норматив и Смотр.

Для Смотра — Командор, который только что согласился меня готовить не потому что хочет, а потому что выхода нет.

Отлично. Работаем с тем, что есть.

Сав шевельнулся на моих коленях — поднял голову, посмотрел на меня янтарными глазами.

— Всё нормально, — сказала я. — Я пойду.

Мы поднялись. Я пошла к воротам.

В спину — тяжёлый, внимательный взгляд.

Я обернулась.

Аркас смотрел на меня. Оба глаза открыты. Тот же взгляд, что в самом начале, — узнавание. Человека, которого ждали.

Я кивнула ему.

Не знаю зачем. Просто — казалось правильным.

Аркас закрыл глаза.

Я пошла на тренировку.

Глава 7. Всадница Командора

Он пришёл в пять утра.

Я ожидала его увидеть — мы договорились на рассвет — но всё равно на секунду растерялась. Не потому что неожиданно. Потому что он был уже там когда я вошла в загон, и стоял спиной ко мне, и смотрел на Сава, и во всём его силуэте было что-то такое сосредоточенное, такое намеренно закрытое, что я на секунду почувствовала себя нарушителем чужого пространства.

Потом он повернулся — и это ощущение немедленно исчезло.

— Опоздала.

— На тридцать секунд.

— На тридцать секунд.

Хорошее начало.

Аркас лежал в углу загона с видом существа, которое пришло понаблюдать и намерено делать это молча. Сав сидел

прямо, косился то на меня, то на Кейна, то снова на меня — с беспокойством существа, не уверенного, что происходящее ему понравится.

— С чего начнём? — спросила я.

— С того, что ты уже умеешь неправильно.

— Это обнадеживающее начало.

— Это правда. — Кейн подошёл к Саву, встал рядом — не вплотную, но в том расстоянии, когда уже чувствуешь чело- века. — Ты работаешь с ним как с большой собакой. Угады- ваешь его желания, подстраиваешься под его темп. Это не то.

— Я его слышу. Что в этом неправильного?

— Слышать — хорошо. Вести — другое. — Он повернул- ся ко мне. — Дракон в воздухе не может угадывать твоё на- строение. Он должен получать чёткие намерения и выпол- нять их. Разница между пассажиром и всадником — именно в этом.

Справедливо. Неприятно, но справедливо.

— Покажи, как должно быть.

Он ничего не сказал. Просто встал у плеча Аркаса и посмотрел на него.

Аркас поднял голову. Повернул влево. Шагнул вперёд. Остановился. Всё — без единого слова, без жеста.

— Теперь ты. — Кейн кивнул на Сава. — Попроси его встать прямо. Только намерением, не словом.

Я попробовала. Сав и так стоял прямо, поэтому я представила — ровнее, плотнее, внимание вперёд.

Сав подобрался. Голову поднял на сантиметр. Уши встали.

Кейн смотрел на это несколько секунд.

— Ещё раз, — сказал он.

— Зачем? Получилось.

— Ещё раз.

Проверяет. Думает, что случайность.

Я сделала ещё раз. И ещё. Сав каждый раз реагировал — чётко, без задержки.

— Он тебя слышит, — сказал Кейн. С таким лицом, будто это его лично оскорбляет.

— Я знаю.

— Это не норма для первой тренировки.

— Это норма для нас с ним, — сказала я. — Мы работаем вместе с первого дня.

— Ты работала с ним неправильно. Теперь будешь правильно.

— Ты говоришь «неправильно» таким тоном, будто правильный результат тебя раздражает.

Пауза.

— Меня раздражает, — сказал он, — что тебе не нужно было объяснять базу. — Он отвернулся к Аркасу. — Это означает, что я не знаю, чего тебе не хватает. А это значит, что мне нужно начинать не с уроков, а с диагностики.

— Диагностики.

— Найти, что именно у тебя не так. Потому что что-то точно не так.

— Оптимистично.

— Реалистично, — поправил он. — Встань рядом с ним. Дай ему маршрут — три точки, любые.

Я дала. Вперёд, влево, стоп. Сав прошёл.

— Ещё.

Ещё. И ещё. По пять раз каждый вариант.

Кейн ходил вокруг нас и смотрел. Молчал. Это было хуже, чем если бы он говорил — молчание у него было плотным, думающим, и я чувствовала его взгляд как физическое давление.

— Стоп, — сказал он наконец.

— Что не так?

— Ты теряешь его на поворотах.

— Я?

— Намерение размывается. На прямой — чётко, на повороте — размытое, он угадывает. — Он подошёл. — Покажи мне, как ты думаешь «влево».

— Показать как я думаю?

— Опиши словами.

— Я представляю, что он поворачивает.

— Куда смотришь в этот момент?

— На него.

— Вот. — Кейн встал рядом со мной — близко, за плечом, так что я его слышала. — Когда ты смотришь на него во время команды — ты видишь его, а не направление. Он чувствует твой взгляд на себе и начинает реагировать на внимание, а не на намерение. — Его рука легла мне на плечо — развернула чуть, показала. — Смотри вперёд. Туда, куда он должен прийти. Не на него. На точку.

Его рука на плече. Тёплая. Лежит как будто так и надо.

Думаем про точку. Только про точку.

— Так? — спросила я.

— Попробуй.

Я попробовала. Смотрела на угол загона, не на Сава. Дала намерение — и почувствовала что-то другое: как будто связь стала чище. Без помех.

Сав прошёл поворот без задержки.

— Вот, — сказал Кейн. Убрал руку.

— Это был один совет, — сказала я. — Один маленький совет и сразу лучше.

— Поэтому я здесь.

— А я думала, что по закону Принятия.

Пауза. Не злая — просто пауза.

— По закону тоже, — сказал он ровно. — Завтра — движение в темпе. Привыкни к сегодняшнему.

И пошёл к воротам.

Уходит как всегда — без прощания, без итога. Как будто мы в середине разговора, а не в конце урока.

Это раздражает. И почему-то не даёт перестать думать о том, что будет завтра.

* * *

На второй день я упала.

Не с дракона — просто упала. Споткнулась о собственный сапог, когда Сав резко остановился по команде, и угодила прямо в Кейна, который стоял справа.

Его руки поймали — обе, за плечи — удержали. Секунда.

Мы стояли в полуметре, ладони на моих плечах, и я смотрела на него снизу вверх — потому что он был выше, и потому что немного качало ещё после неожиданной остановки.

Запах — кожа, металл, что-то острое. И тепло рук, которые держат не больно, но держат — так, что понятно: отпустит сам, не раньше.

Закрыть немедленно.

Закрыто.

— Всё нормально, — сказала я.

Он убрал руки. Шаг назад.

— Когда дракон останавливается резко — ты должна быть готова. Это базовое. — Голос ровный, как будто ничего не было. — Встань снова.

— Это была намеренная остановка?

— Да.

— Можно было предупредить.

— Тогда это не проверка рефлекса, а проверка умения слушать. Разные вещи.

Я посмотрела на него.

— Ты знаешь, что это манипуляция.

— Это подготовка. — Он смотрел на неё без извинений.
— В воздухе дракон не предупреждает о манёврах. Ты должна читать его раньше, чем он сделал.

— И как это делается?

— Этому учатся месяцами.

— Значит, сейчас я просто должна падать и привыкать?

— Сейчас — да. — Пауза. — Это раздражает?

— Нет, — сказала я. — Просто уточняю методику.

Раздражает. Но не скажу.

Потому что он прав, и мы оба это знаем, и признавать это вслух — значит давать ему лишнее.

— Встань снова, — повторил он.

Я встала.

На этот раз, когда Сав резко остановился — я устояла.
Почти.

— Лучше, — сказал Кейн.

— «Лучше» — это оценка или констатация?

— Это «лучше», — сказал он. — Не ищи в нём больше, чем там есть.

В нём там есть именно столько, сколько он хочет показать. Не больше и не меньше. Это отдельная наука — читать человека, который умеет контролировать каждое слово.

Интересная наука.

Нерабочая информация.

* * *

Третий день был про скорость.

— Намерение должно идти раньше движения, — сказал Кейн. — Не одновременно — раньше. Дракон должен начинать разворачиваться прежде, чем ты «решила» повернуть. Это предвосхищение.

— Как это возможно?

— Это не телепатия. Это то, что дракон читает в твоём теле до того, как оно воплощает решение. Лёгкий перенос веса. Взгляд. Дыхание. — Он подошёл вплотную — слишком близко, чтобы это было просто про объяснение. — Посмотри на меня.

— Смотрю.

— Я сейчас собираюсь шагнуть в какую-то сторону. Не шагну — только собираюсь.

Я смотрела на него. Ничего не видела — никакого движения, ничего очевидного. Но что-то — едва уловимое — изменилось. Что-то в том, как он держал плечи. Как взгляд чуть сместился.

— Влево, — сказала я.

Он слегка поднял брови.

— Видишь, — сказал он.

— Плечо и взгляд.

— Да. — Пауза. — Это то, что дракон читает в тебе. Попробуй дать Саву это раньше, чем ты двинешься.

— То есть думать на шаг вперёд своего тела.

— Именно.

— И долго люди этому учатся?

— По-разному. — Он отступил. — Попробуй.

Первые три раза вышли плохо. Я думала о том, как это сделать, вместо того чтобы делать — и Сав путался.

— Не думай об этом, — сказал Кейн.

— Ты только что объяснил мне механику и теперь говоришь не думать.

— Механику надо понять один раз. Потом — забыть и просто делать.

— Это противоречие.

— Это навык. Любой навык работает так.

*Плавание. Возждение. Переговоры. Да, именно так.
Не думаю. Просто делаю.*

Четвёртая попытка получилась. Сав начал разворот раньше, чем я «решила» повернуть.

Кейн молчал несколько секунд.

— Ещё раз, — сказал он наконец.

— Ты снова проверяешь.

— Я всегда проверяю.

— Это утомительно.

— Это необходимо. В воздухе я не буду знать, случайность это или навык. Мне нужно знать заранее.

— Хорошо. — Я сделала ещё пять раз. Четыре из пяти — чисто. — Достаточно?

— Пока — да.

— А «хорошо» ты скажешь когда?

— Когда будет хорошо.

— А сейчас?

— Сейчас — пока. — Он смотрел на Сава. — Это лучше, чем должно быть на третий день.

— Ты умеешь обесценить любой результат.

— Я умею его оценивать точно.

— В чём разница?

— В том, что точная оценка полезна. Завышенная — опасна.

Снова логично. Снова злит.

У него вообще все аргументы логичные. Это, наверное, самое раздражающее в нём.

— Завтра — посадка, — сказал он. И ушёл.

* * *

Посадка оказалась не тем, чего я ожидала.

Я ожидала — сел, поехал. Оказалось, что это целая наука.

— Дракон не лошадь, — сказал Кейн. — Ты не садишься на него. Ты занимаешь место рядом с ним. Это его спина, не твоё седло. Разница в философии — и дракон её чувствует.

— Занять место рядом, но на нём.

— Да. — Он встал рядом с Аркасом, показал: где именно держаться, как именно переносить вес. — Вот точка. Видишь?

— Вижу.

— Это центр. Там равновесие совпадает. Там твоё и его — одно. — Он взял мою руку — спокойно, без спроса — и поставил в нужное место на шее Аркаса. — Чувствуешь?

Я чувствовала тепло его ладони поверх своей. И пульс Аркаса под пальцами. И что-то ещё, чему я не стала давать название.

— Чувствую, — сказала я.

— Вот эта точка. На Саве — то же самое.

Он убрал руку. Я уже знала — или мне казалось, что знала — что он уберёт её чуть медленнее, чем нужно было. Может, не казалось.

Сав лёг сразу, как только я подошла. Я нашла точку, начала садиться.

— Стоп. — Кейн был рядом — я не слышала, как подошёл. — Не через сторону. Прямо. Сначала контакт, потом вес. Иначе — неуверенность, он почувствует.

— Я уверена.

— Твоё тело — нет. Смотри. — Его рука легла на мою поясницу — коротко, твёрдо, скорректировала. — Здесь.

Поясница. Мурашки по спине водопадом. Закрыто.

Я села.

Это было... неожиданно. Не по смыслу — я понимала, что буду сидеть на драконе. По ощущению. Тепло снизу, живое тепло, глубокий пульс под ладонями, и это огромное существо подо мной — не напряжённое, не пугающееся — просто спокойное. Как гора, которая тебя приняла.

Вот как это работает.

Вот почему люди хотят быть всадниками.

— Как? — спросил Кейн снизу.

— Правильно, — сказала я. — Странно, но правильно.

Пауза.

— Не двигайся. Дай ему привыкнуть.

Я сидела. Сав под моими руками медленно расслаблялся.

Мышцы стали мягче. Дыхание — глубже.

— Он спокоен, — сказала я.

— Вижу.

— Это хорошо?

— Это необходимо. — Кейн ходил вокруг нас, смотрел. — В воздухе его спокойствие — твоя безопасность. И наоборот.

— А что происходит, если он испугается?

— Зависит от высоты.

— Это не очень обнадеживающий ответ.

— Честный ответ. — Он остановился у левого плеча Сава.
— Слезай.

Я начала слезать. Неловко — ещё не знала как точно. Потеряла баланс.

Его рука поймала мой локоть — мгновенно.

Снова руки. Снова тепло. Снова этот проклятый разряд

по предплечью.

Закрыто. Залито. Замуровано. Не вскрывать.

— Спасибо, — сказала я ровно.

Он выпустил.

— Ещё раз. Пока не будешь делать это стабильно.

— Сколько?

— Пока я не скажу стоп.

— У тебя есть другие дела кроме наблюдения, как я са-
жусь на дракона?

— Нет, — сказал он. — Пока у меня нет других дел.

*Не знаю что именно. Но что-то мне послышалось в этих
словах.*

*Нерабочая информация. Весь квартал снесён. Новое
строительство. Зона отчуждения.*

Я садилась и слезала. Снова. Восемь, десять, двенадцать
раз. К двенадцатому — уже без потери равновесия.

— Достаточно, — сказал он.

— Это «получилось»?

— Это «достаточно».

— Разница?

— Завтра — в воздух.

Я посмотрела на него.

— Завтра — воздух, — повторила я. Просто чтобы убедиться, что правильно услышала.

— Да.

— Первый полёт.

— Не полёт, — поправил он. — Подъём. Это разные вещи. — Он пошёл к воротам. — Завтра с рассвета.

— Как всегда, — сказала я.

Завтра воздух.

Я стояла в загоне и чувствовала что-то, чему не сразу

нашла слово. Не страх. Не радость. Что-то такое, острое и живое, что бывает только когда ждёшь чего-то, что изменит всё.

Сав ткнулся мне мордой в плечо.

— Знаю, — сказала я. — Я тоже.

** * **

Сплетню я слышала по дороге на тренировку к Брасу.

Двое всадников шли навстречу — не торопясь, разговаривали. Не скрывались. Зачем.

— Командор, значит, лично взялся, — говорил первый.

— Лично, — подтверждал второй — с тем ленивым знанием, которое противнее прямой злобы. — Каждое утро с рассвета. Принятие, говорят.

— Принятие. — Смех. Короткий. — Удобно придумано.

— Очень удобно. Бабы всегда умеют найти объяснение. Дракон, судьба, закон. — Пауза. — А по мне — просто нашла к кому прижаться. Мир чужой, деваться некуда — вот и выбрала самого сильного. Они всегда так.

— Командор не дурак.

— Командор мужик, — сказал второй. — А бабы умеют именно с мужиками. Особенно когда выбора нет. — Голос стал чуть тише, но не настолько. — Всадница Командора. Красиво звучит, правда?

— Он скоро устанет.

— Конечно устанет. Они всегда устают. Особенно от умных.

Они прошли мимо.

Я стояла посреди коридора.

Не двигалась.

Всадница Командора.

Нашла к кому прижаться.

Они всегда так.

Внутри что-то сжалось — не от боли. От узнавания. Именно эта логика — когда женщина делает что-то, что не укладывается, объяснение всегда одно. Через мужчину рядом. Через постель. Через инстинкт самки, которая ищет защиту.

Другого объяснения нет. Потому что других способов у женщин, по их мнению, не существует.

В моём мире это говорили тише. За спиной. С извинительными улыбками.

Здесь — в полный голос, в коридоре, потому что это не оскорбление.

Это просто очевидная версия событий.

Я стояла и думала о том, что утром его рука лежала у меня на поясице. Секунду. Меньше.

И что я закрыла это так быстро и так тщательно именно потому, что знала — это не должно существовать. Потому что я в мире, где это сразу превращается вот в это.

Всадница Командора.

Хорошее название для человека, который встаёт в пять утра и падает, и садится заново, и делает это двенадцать раз подряд, пока не получится.

Для человека, которого завтра первый раз поднимут в воздух.

Я выдохнула. Медленно. Ровно.

И пошла на тренировку.

Большое спасибо за прочтение! Сохраняйте в библиотеку, чтобы не потерять, и оставляйте комментарий!

Глава 8. Первый подъем

Я не спала.

Не потому что боялась — или не только. Просто лежала, смотрела в потолок и пыталась не думать о том, что сказали те двое в коридоре. О том, что его рука лежала у меня на пояснице. О том, что завтра — воздух.

Три вещи, которые не имеют между собой ничего общего.

Или имеют.

Не думаем.

В четыре пятьдесят пять я была в загоне.

* * *

Кейн уже стоял там. Как всегда. Уже.

Он смотрел на Аркаса, что-то проверял — седельные крепления, кажется, хотя у них не было обычного седла, скорее особые упоры для колен. Кейн двигался быстро, уверенно, без лишних движений — человек, который делал это тысячу раз.

Сав ждал у ворот загона. Ткнулся мне в плечо сразу, как только я вошла.

— Да, — сказала я. — Я тоже нервничаю.

Кейн обернулся.

— Готова?

— Да.

— Нет, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Ты нервничаешь, — произнёс он ровно. — Это читается. Сав уже чувствует. — Он подошёл, встал в метре. — Я вижу по нему, а не по тебе. Уши.

Я посмотрела на Сава. Уши стояли — напряжённые, чуть развёрнутые назад.

Вот как. Он чувствует моё состояние, и оно в нём видно. Я думала, что скрываю.

— Что делать?

— Успокоиться.

— Полезный совет.

— Не полезный — единственный, — сказал он. — В воздухе он будет делать то, что чувствует от тебя. Если ты паникуешь — он паникует. Если ты устойчива — он устойчив. Ты — его точка опоры, не наоборот. Запомни это.

Я — его точка опоры.

Хорошо. Значит, надо быть точкой опоры.

Я закрыла глаза на секунду. Убрала всё — коридор, голоса, его руку на поясице. Просто загон. Просто Сав. Мой вредный дракон-подросток, который тоже полетит с человеком в первый раз. Почти как младший братишка, которого учишь водить машину.

Открыла. Посмотрела на Сава.

Уши опустились.

— Вот, — сказал Кейн.

— И что теперь?

— Теперь — в воздух.

* * *

Первый подъём был не страшным.

Он был другим.

Сав взлетал не так, как в книгах — не рывком, не катапультой. Медленно, почти осторожно, как будто давал ей время привыкнуть к каждому новому ощущению. Сначала — отрыв от земли, едва заметный, как будто мир вдруг стал чуть дальше. Потом — подъём, плавный, тяжёлый, с каждым взмахом крыльев она чувствовала, как под ней меняется воздух.

Аркас поднялся рядом. Кейн — справа и чуть выше, в пяти метрах, наблюдал.

— Держишь контакт? — крикнул он. Ветер уносил голос, но слышно было.

— Да! — крикнула я в ответ.

Держу. Ещё как держу. Сав под моими руками — тён-

лый, мощный, каждый взмах его крыльев я чувствую через колени и ладони. Это совсем не то что стоять рядом. Это — вместе. Буквально вместе, одним движением.

— Дай ему «влево», — скомандовал Кейн.

Я дала. Сав качнулся влево — плавно, без рывка.

— Вправо.

Вправо.

— Выше.

Сав набрал высоту — метров тридцать, сорок — и у меня перехватило дыхание. Не от страха. От того, что внизу была Цитадель, такая маленькая вдруг, такая подробная, как карта, и горизонт был везде, и небо было серым и огромным, и Сав под ней летел как будто именно для этого и существовал.

Вот.

Вот почему они это делают.

Вот почему люди отдают этому жизнь.

— Хорошо, — сказал Кейн. Аркас подлетел ближе. — Теперь держи высоту и веди его по кругу. Широкому.

Я повела. Круг выходил неровным — Сав чуть сбивался, я чуть теряла чёткость — но в целом держал.

— Шире, — сказал Кейн. — Ты его зажимаешь. Слишком короткий радиус.

— Я стараюсь.

— Стараться и делать — разные вещи.

Я знаю. Не говори мне то, что я знаю.

— Ещё раз. Плечи.

— Плечи у меня нормальные.

— Правое выше левого. Ты ведёшь его телом, а не намерением. Он читает тело.

Я опустила плечо. Сав слегка выровнялся.

— Лучше. Теперь скорость. Попроси его ускориться.

Я попросила. Сав ускорился — резко, сильнее, чем я ждала — и меня бросило назад. Я удержалась, вцепившись в упо-

ры, но это было некрасиво.

— Слишком сильное намерение, — сказал Кейн. Голос ровный, но в нём было что-то — чуть слишком отчётливое, чуть слишком аккуратное. — Дракон реагирует на интенсивность. Ты дала ему «беги» вместо «быстрее».

— Я поняла.

— Не уверен.

Вот это уже лишнее.

— Повтори, — сказал он.

Я повторила. На этот раз лучше — Сав набрал скорость плавно.

— Теперь снова круг. Широкий, с постоянной скоростью.

Я вела круг. Он смотрел. Аркас держался рядом, чуть позади.

— Ты слишком в голове, — сказал Кейн.

— Что значит в голове?

— Ты думаешь о каждом движении. Анализируешь. Он это чувствует — это не чёткое намерение, это мыслительный процесс. Ему нужна уверенность, не размышление.

— Первый полёт. Разрешено немного думать.

— Нет, — сказал он. Резко. — В воздухе думать медленно — значит падать. Либо ты здесь и с ним, либо ты в голове и одна. Третьего нет.

Он прав. Технически — прав. Но что-то в том, как он это сказал — «одна» — что-то в этом слове прошло по мне не так. Потому что я слышала эти голоса. Потому что я знаю, что он думает на самом деле — что ей здесь не место, что это всё неправильно, что женщина одна не справится. Не думать об этом. Не сейчас.

— Ещё раз, — сказал он.

Ещё раз. Круг выходил лучше.

— Неплохо, — произнёс Кейн. — Но ты прячешься за него.

— Что?

— Прячешься. Он тебя компенсирует — чувствует где ты теряешь точность и выравнивает сам. Ты привыкла к этому на земле, тащишь это в воздух. — Пауза. — Это не связь. Это он тебя несёт. На себе.

Что-то сжалось.

Вот это — уже не просто техническое замечание.

Это — «ты не можешь сама». Это всадница Командора. Это прижалась к кому надо. Это он несёт, не ты летишь..

— Он несёт меня, — повторила я. Голос вышел не таким ровным, как хотела. — Значит, по-твоему, я всадница только на бумаге.

— Я говорю про технику, — сказал Кейн. Стал немного холоднее.

— Ты говоришь не про технику, ты говоришь женщине, где ее место!

— Это именно про технику. Не вкладывай —

— Не говори мне, что я вкладываю! — вырвалось резко,

чем надо было. — Я слышу тебя прекрасно. Слышу что ты думаешь. Что из меня всадника не выйдет, что это всё неправильно, что я здесь потому что дракон ошибся —

— Соколова. — Голос резкий, командный. — Успокойся и держи дракона.

— Я держу!

— Нет. — Он смотрел на Сава. — Ты его потеряла.

Я посмотрела вниз.

Сав шёл неровно. Взмахи крыльев стали хаотичнее — не синхронно, а как будто он сам не понимал, куда. Голова моталась. Он чувствовал её — злость, страх, потерю контакта — и реагировал на это, а не на намерение, потому что намерения не было. Была только злость.

Нет. Нет, нет, нет.

Успокойся. Прямо сейчас. Верни его. Верни контакт.

Я попыталась. Убрать всё, выдохнуть, вернуться к нему — но было слишком поздно, потому что Сав уже паниковал, и паника у дракона — это не то же самое, что паника у человека. Это всё тело, все мышцы, все крылья одновременно.

Прости, что поссорилась при тебе, младший братик.

Он резко накренился влево.

Я не удержалась.

Было мгновение — долгое, неправдоподобно долгое — когда я видела всё сразу: Сав с выражением ужаса в янтарных глазах, небо, которое вдруг оказалось снизу, Кейна на Аркасе, который уже двигался — резко, стремительно — и землю далеко внизу, которая была совсем не далеко, а наоборот, очень быстро приближалась.

А потом земля.

* * *

Темнота была сначала.

Потом — боль. Тупая, общая, везде. Правое плечо. Голова. Что-то в боку.

Потом — звуки.

Голос Кейна — резкий, командный, кому-то. «Лекаря. Быстро». Ещё чей-то голос — далеко, неразборчиво. Сав — близко, очень близко, низкий звук, который она никогда

раньше не слышала от него, почти скулёж, не похожий на дракона вообще.

— Сав, — сказала она. Или пыталась. Не знала, вышло ли вслух.

Что-то тёплое коснулось её руки — нос Сава, она поняла по запаху, по теплу. Он лёг рядом. Прямо на землю, вплотную.

Живая. Я живая. Он проверяет.

— Лежи, — сказал Кейн. Уже ближе. — Не двигайся.

— Я в порядке,

— Нет.

— Я —

— Замолчи.

В его голосе было что-то. Я не сразу поняла что. Потом поняла — это был не приказ. Это была просьба.

Она открыла глаза.

Он стоял на коленях — чего я не ожидала, потому что Кейн не стоит на коленях нигде и никогда — и смотрел. Что-то проверял — пальцы на запястье, потом осторожно — основание черепа.

— Голова? — спросил он.

— Болит.

— Плечо?

— Тоже. — Я попыталась пошевелить правой рукой — и зашипела.

— Не двигай.

Я посмотрела на него. С земли, снизу вверх, с тем странным ощущением человека, у которого всё поплыло немного и который видит мир через слой чего-то мягкого.

Его лицо. Близко. Очень близко — он наклонился, что-то проверяет на голове, и она видит его вот так, в упор, и впервые за всё это время он не смотрит на неё как на задачу или проблему.

*Он смотрит как человек, которому страшно.
Интересно.*

Нерабочая — хотела добавить. Но голова болела слишком сильно чтобы доделать мысль.

— Это моя вина, — сказала я.

— Замолчи.

— Я потеряла контакт из-за —

— Потом, — сказал он резко. — Сейчас молчи.

Прибежали двое с носилками. Кейн что-то говорил им — быстро, технически, уже не разобрать. Сав рядом издал тот же звук — низкий, почти беззвучный.

— Сав, — позвала я.

Янтарные глаза — близко, вплотную. Он смотрел таким жалобным взглядом, как будто прощался.

— Всё нормально, — сказала я. — Это не ты. Это я.

— Иди в загон, — сказал Кейн Саву. Негромко. — Горт там.

Сав не двинулся.

— Иди, — повторил Кейн. — Она будет там. — Пауза. — Я прослежу.

Он пообещал дракону. Это было последнее, что я успела подумать.

Потом — темнота снова.

* * *

Лазарет был маленьким и пах травами.

Я понимала это урывками — то всплывала, то уходила снова. Один раз почувствовала, что лежу на чём-то мягком, что болит меньше. Один раз услышала голос лекаря — спокойный, деловитый. Один раз — тихий голос Кейна в ответ, что-то короткое.

Третий раз всплыла немного дольше.

В комнате было темно — значит, вечер или ночь. Лекаря не было слышно. Было тихо.

Не совсем тихо.

Я повернула голову — медленно, потому что быстро нель-

зя — и увидела его.

Кейн сидел у стены на деревянном стуле. Не спал — сидел, локти на коленях, смотрел в пол. Без куртки — только рубашка. Волосы не так аккуратно, как обычно. В полутьме он выглядел иначе, чем днём.

Меньше Командора. Больше человека.

Он здесь.

Ночь — или вечер — и он здесь. Сидит на жёстком стуле у стены и смотрит в пол.

Почему.

Хотелось спросить. Не вышло — слишком тяжёлые веки, слишком далеко.

Но он поднял голову — будто почувствовал, что я смотрю — и взгляды встретились. Секунду. Может, меньше.

В его лице было что-то, что я успела заметить до того, как он убрал это обратно — то привычное, аккуратное, закрытое. Успела увидеть за секунду до того, как он закрылся снова.

Облегчение.

Просто облегчение — как у человека, который долго ждал чего-то, и вот дождался.

Интересно.

Нерабочая информа...

Темнота забрала прежде, чем я успела закончить мысль.

Большое спасибо за прочтение! Сохраняйте в библиотеку, чтобы не потерять, и оставляйте комментарий!

Глава 9. Честь Ордена

Утром первого дня я поняла, что не могу поднять правую руку выше плеча.

Не больно — просто не поднимается. Как будто сигнал идёт, а ответа нет.

Лекарь — немолодой, с руками человека, который всю жизнь что-то собирал заново из того, что сломалось — осмотрел, пощупал, кивнул.

— Вывих. Вправили пока ты была без сознания. Три дня покой, потом посмотрим.

— Три дня?

— Минимум.

Три дня. У меня нет трёх дней.

У меня есть норматив и смотр и дракон, который сейчас, судя по всему, сидит в загоне и переживает. И Командор, которого я последний раз видела сидящим у стены в темноте с видом человека, которому страшно.

Это, кстати, я ещё не обдумала.

Не сейчас.

— Можно хотя бы встать?

— Нет, — сказал лекарь. — Голова?

— Болит.

— Будет болеть ещё день-два. Это нормально при таком ударе. — Он посмотрел на неё поверх своих записей. — Тебе повезло. Метров десять было.

— Пятнадцать, — сказала я.

— Тем более.

* * *

Кейн пришёл через час после того, как лекарь ушёл.

Я не ожидала. Точнее — ожидала, что он придёт в какой-то момент, потому что это логично, это часть его ответственности, Принятие и закон и всё такое. Но не через час.

Он вошёл,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.